Геннадий Дмитриев

АПОСТОЛ ИУДА

повесть

Одесса – 2010

Оглавление

Предисловие 5
Иуда Искариот 9
Понтий Пилат 16
Варавва 21
Письмо прокуратора кесарю Тиберию 25
Что делаешь, делай скорее 30
Поцелуй Иуды 38
Суд синедриона 40
Иисус Христос и Иисус Варавва 44
Я не нахожу вины в этом человеке 47
Конец Иуды 49
Пилат и Варавва 50
Отпусти нам Варавву 52
Воскресение 54
Вождь 56
Апостолы 59
Планы и интриги 60
Что мешает, имея власть, нести свет истины? 62
Эпилог 65
Роль Моисея и задача Христа 66
(ответ на возражения и критику повести «Апостол Иуда») 66
Литература 90

Предисловие

Меня давно интересовал вопрос: какие мотивы определили предательство Иуды? Версия предательства ради денег не убедительна. Интересовало это не только меня. Леонид Андреев в повести «Иуда Искариот» выдвинул свой вариант. В обнаруженном Евангелие Иуды говорится, что Иуда действовал по просьбе Христа. Тогда возник другой вопрос: почему великая миссия Христа должна быть реализована посредством предательства? Изучив различные материалы по данному вопросу, я пришёл к выводу, что Иуда не предавал.

Восстановить реальную картину событий, описанных в Евангелиях, вряд ли когда-либо удастся, прошло уже более двух тысяч лет. Считать Евангелие историческим документом не приходится, христианская религия основывается на догмате веры – системе аксиом. Если выбрать иную систему аксиом, то можно нарисовать несколько другую картину. Своей повестью я не пытаюсь восстановить историческую достоверность, просто предлагаю художественную версию событий исходя из следующих аксиом:

1. Христос был человеком, пророком, выполнявшим Божественную миссию.

2. После известных событий он остался жив, направился в Индию, где продолжил выполнение своей миссии. Об этом говорится в Коране и рукописях, хранящихся в монастырях Тибета.

3. Письмо Понтия Пилата кесарю Тиберию, хранящееся в библиотеке Ватикана, подлинно. Из этого следует, что Пилат не мог отдать Христа на казнь.

Многие исследователи Туринской плащаницы утверждают, что следы на ней могло оставить только тело живого человека. Предполагают, что Христос остался жив после казни. В повести я предлагаю иной вариант развития событий – казнь не состоялась, в плащаницу было завернуто тело живого, но измученного пытками Иисуса. Предложенный вариант событий является логичным исходя из решения первого вопроса: был ли Христос Богом, принявшем облик человека, или был человеком, выполнявшим Божественную миссию? Это во-

прос не только веры, это еще и вопрос эффективности управления. Не станет командующий войсками фронта переодеваться в солдатскую форму, чтобы довести до роты боевой приказ – это не эффективно, для управления войсками существуют другие средства. Так и у Бога есть более эффективные средства управления, чем воплощение в человеческий образ. А если Христос выполнял Божественную миссию, смысл которой состоял в исправлении учения, искаженного жрецами, устранившими Моисея, и внедрившими в сознание людей идею рабства от имени Бога, то задачей Иисуса не могла быть смерть на кресте во имя искупления грехов человечества.

Отсюда следует, что Иуда не предавал Христа. Иисусу нужно было донести свое учение до саддукеев, убедить в том, что они исполняют чужую волю, а именно они определяли мировоззрение народа. Он не мог просто явиться к Каиафе, тот попросту не принял бы бродячего проповедника, как не примет митрополит представителя какой-либо секты. Другое дело, если в окружении митрополита у Вас есть свой человек, можно попытаться договориться о встрече. Если предположить, что Иуда был вхож к Каиафе, то Христос мог прибегнуть к его помощи, чтобы встретиться с первосвященником. Но первосвященник ответил Иуде примерно так, как ответил бы митрополит на предложение встретиться с руководителем секты, – «говорить с ним буду только в суде». Христос был согласен придти на суд, чтобы иметь возможность донести истину до саддукеев, хотя бы таким путем. Он понимал, что идет на огромный риск, но не на верную смерть. Он знал, что по закону его обвинить не смогут. Но, видимо, тогда, как и сейчас, суд не всегда руководствовался законом.

Очевидно, что разговор с Каиафой и его тестем Анной, имевшим огромное влияние, хоть и отстраненным от власти, состоялся, об этом говорит и Евангелие, но кратко, одним предложением. Думаю, что разговор был более обстоятельным, и Иисусу удалось донести истину до саддукеев. Поверили ли ему? Поверили, иначе бы не отдали на расправу Пилату, поверили и испугались того, с какими могущественными силами им придется столкнуться, если они пойдут по пути, предложенному Христом. Потому, выдвинув ложные обвине-

ния, отправили к Пилату, где Иисус был бы казнен безо всякого суда властью центуриона, суду в римской империи подлежали только граждане Рима, а выступивших против власти кесаря просто казнили без суда и следствия.

Но если письмо Понтия Пилата императору Тиберию, хранящееся в библиотеке Ватикана, – подлинно, то Пилат не мог казнить Иисуса, поскольку уже доложил императору о его непричастности к возмущению иудеев против римской власти. Не стал бы он и обращаться к народу, который воспринимал как варваров, дикарей, с обычаями которого не считался никогда, о чем пишет Иосиф Флавий, характеризовавший Понтия Пилата, как человека грубого, резкого в решениях, не признающего святынь подвластного народа. Потому, Иисуса, истерзанного пытками во время допроса в синедрионе, Пилат отпустил, а казнил Варавву, который должен был возглавить восстание против римлян. Это было логично, с точки зрения римского прокуратора, а утверждение в тексте Евангелие о казни Христа возникло в результате путаницы, возникшей от совпадения имен, и Христа, и Варавву звали Иисусом. Варавва – не имя собственное, Бар Авва – сын Божий, так называли наследников царского трона, и Варавва, и Христос происходили из рода царя Давида, но разных ветвей, обоих воспринимали как мессий, призванных освободить народ от римского владычества, но разными средствами.

Подробно я изложил свои соображения в ответе на критику повести, в статье «Роль Моисея и задача Христа».

Иуда Искариот

Огромное, красное солнце поднималось над Иерусалимом. Первые лучи его окрасили золотистым цветом легкие перистые облака, скользнули по стенам храма, расположенного на вершине горы, заиграли на медных рогах Харэли, верхней ступени священного жертвенника. Первосвященник Каиафа вышел во двор храма и огляделся. Ученика его, Иуды Искариота, не было видно нигде. Он постоял ещё некоторое время и громким голосом позвал Иуду.

- Я здесь, равви! – воскликнул, неизвестно откуда появившийся Иуда.

- Где ты был? Ты должен вставать с первыми лучами солнца, пора наколоть дров, развести огонь, приготовить храм к богослужению.

- Я всё сделаю, я уже ходил принести дров.

Первосвященник осуждающим взглядом посмотрел на Иуду и строго сказал:

- Ты, видимо, опять вечером ходил с этим сыном плотника, Иисусом Назареем?

Иуда молчал, опустив глаза.

- Отвечай, я спрашиваю тебя, – сказал Каиафа, – и не лги, это тебе ни к лицу.

- Да, я был с ним, – ответил Иуда.

- Зачем ты ходишь с ним? Ведь он же сын плотника, с ним ходит толпа таких же оборванцев, как и он сам. А ты, Иуда, принадлежишь знатному иудейскому роду, и негоже тебе, будущему священнику, таскаться с нищими и слушать их глупые речи.

- Я хочу познать истину, равви, – ответил Иуда.

- Разве ты не знаешь, Иуда, что истина заключена в заветах Моисеевых? Читай пророков святых, послание Господа нашего к народу своему, и ты познаешь истину.

- Но он учит тому, что не написано в святых книгах.

- То, что не написано в святых книгах, не может быть истиной, берегись слов, слетающих с нечестивых уст, они погубят тебя, Иуда!

- Но он не говорит ничего дурного, он учит народ любви и смирению!

- Говоришь, он учит народ любви? А разве не учат нас любви к Господу книги Моисеевы?

- Но Иисус учит любить не только Господа, он учит любить врагов своих!

- Как, любить врагов? И это говорит вам он, сын плотника? – Каиафа рассмеялся. – Разве не сказано в писании, что не может быть любви между евреем и гоем? Бог избрал наш народ, а все, кто не принадлежат ему, могут быть лишь нашими рабами, гои достойны смерти, а не любви. Кто учит свой народ любить врагов, тот ничего не принесет ему кроме рабства и страдания! Если бы народ Иудеи вдруг, однажды возлюбил врагов своих и сложил бы перед ними оружие – ни одного иудея не осталось бы на святой земле. «Око за око, зуб за зуб» – вот закон, по которому должны поступать с врагами нашими! Возлюбить врагов – это значит предать свой народ! Разве ты можешь, предать свой народ, Иуда?

Иуда Искариот молчал. Сомнения терзали его: кто прав? Первосвященник и Моисей или Христос? Каждый из них был прав, но как разобраться во всём этом?

- Как ты говоришь, то прав ты, но и в его словах есть правда, как понять мне, чья правда истинна?

Каиафа тихо усмехнулся в седую бороду:

- Ты думаешь, на земле существует только одна правда, Иуда? Запомни, у каждого из нас своя правда. У кошки и у мышки разная правда, и справедливость разная. У первосвященника и сына плотника не может быть одной правды, запомни это, Иуда, а теперь иди, работай!

- Я непременно сделаю всю свою работу, равви, но когда я сделаю её, могу я пойти к Христу? Я хочу понять, о чем говорит он, и если он не прав, то я хочу знать, в чем!

- Хорошо, иди, – ответил первосвященник, – только впредь не ходи туда без моего ведома, и рассказывай мне всё, чему учит вас Назарей, спрашивай, что не понятно тебе, не стесняйся, Иуда.

Весь день Иуда провел в трудах праведных, он работал на благо храма, читал священные писания, а когда наступил вечер, отправился к Христу. Тогда он ещё не был в числе двенадцати его ближайших учеников. Он ходил в толпе народа и жадно ловил каждое слово Иисуса. Приблизившись к Христу, Иуда коснулся края его одежды и спросил:

- Скажи, учитель, зачем ты говоришь, что нужно любить врагов своих? Разве не должен я взять меч и защитить дом свой от врагов, которые придут разорить его?

- Ответь мне, Иуда, разве зло может победить зло? Разве силой можно одолеть силу? Ведь на всякую силу найдется другая сила, еще более могущественная. Ответным злом можно только приумножить зло, но никогда нельзя сотворить добро. Только любовь может принести мир и покой народам. Как зло приумножает зло в этом мире, так и любовь приумножает любовь. Возлюби врага своего, и он ответит тебе любовью, и опустит он меч, сраженный добротой твоей.

- А если не опустит он меч? – возразил Иуда. – Если воспользуется любовью моей и уничтожит меня?

- Значит, не была любовь твоя искренней, и не смог ты победить ненависть в душе своей!

- Ты говоришь, – сказал Иуда, – что если ударят тебя по одной щеке, подставь вторую. Значит, любовь и доброта не остановила врага, и он готов нанести удар по второй щеке?

- Я говорил, не подставь, а обрати к нему вторую щеку. Обратить щеку, еще не значит позволить ударить по ней.

- Но, как понимать слова твои? Разве не значат они смирения пред врагом?

- Если смиришься ты, то падешь ниц пред врагом своим, а если не дрогнешь пред ним, а обратишь к ударившему тебя вторую щеку, то посмеет ли он вновь ударить тебя? Ударив тебя по щеке, враг хотел обидеть тебя, испугать, а если нет ни обиды, ни испуга в сердце твоем, поскольку любовь движет тобою, то не достиг он цели своей, и остановится перед силой любви твоей. Ибо злом нельзя одолеть зла, и зло, сотворенное в ответ на зло, не перестанет быть злом, и умножится зло на земле, и умножится скорбь ваша.

Иуда, вернувшись домой, никак не мог уснуть. Он раздумывал над словами Христа. Можно ли любовью своей одолеть ненависть врага? Прав ли Иисус? Разные мысли приходили к нему. Ответа не было.

Наутро, когда Иуда рассказал Каиафе о беседе с Христом, тот иронически усмехнулся.

- Вот, ты поверил Иисусу, а если враг твой, который пришел убивать, грабить, насиловать, не поверит ему? Да наплевать врагу на любовь твою и на веру твою! Он верит в силу оружия, а не любви, и когда опустится меч на твою голову, где будешь ты, со своей любовью? Где, я спрашиваю тебя, Иуда? Разве любовь Лота к людям спасла Содом и Гоморру от гнева Господнего?

- Но Господь спас Лота и семью его, – возразил Иуда.

- Господь спас Лота за праведность его, а не за любовь к людям. Люди от любви его не стали добрей, не стали праведней. Не нашлось и тридцати праведников в городах этих. Что предложил Лот людям, окружившим дом его, и требовавшим выдать им тех, кого приютил Лот в своём доме, чтобы надругаться над ними?

- Лот предложил им своих дочерей, но те отказались.

- Предположим, что Лот возлюбил тех, кто хотел надругаться над гостями его, возлюбил так, как учит тому Иисус. Тогда, следуя учению Иисуса, он должен отдать им всё, что они просят, то есть -предать на поругание тех, кто искал убежища у него! Кем бы стал Лот тогда? Он стал бы предателем, он предал бы Господа, и не был бы спасен им!

Иуда взглянул на первосвященника и опустил взгляд. Видимо была истина в словах Каиафы. Можно ли, возлюбив врага своего, отдать ему на растерзание тех, кто просил защиты от этих врагов? Разве не будет это предательством? Как же тогда быть с учением Иисуса? Но, с другой стороны, Иисус тоже прав, злом невозможно победить зло. Видимо, не зря говорил Каиафа, что у каждого своё понятие о добре и зле.

На следующий вечер Иуда снова пошел к Христу. И, когда он задал Иисусу мучивший его вопрос, тот ответил:

- Это всё потому, Иуда, что ты делишь мир на своих и чужих. Для Господа Бога нет чужих, все мы дети его, и он любит всех одинаково. Скажи, стал бы отец меньше любить сына своего только потому, что он болен, слаб духом и сбился с пути истинного?

- Но если я одинаково люблю и ближних своих, и врагов своих, то как же поступить мне, когда враг просит отдать на поругание или на смерть ближних моих?

- И опять ты выбираешь между врагом и ближним своим, а раз выбираешь – нет у тебя одинаковой любви и к тем и к другим. Отдав ближних своих на поругание или на смерть, ты станешь на сторону врага и предашь ближнего своего. Если же ты откажешь врагу в просьбе его, то, защищая ближнего, ты отвергнешь врага своего и восстанешь против него. Но если ты возлюбишь всех одинаковой любовью, то не будет между вами вражды, и тебе не придется ни предавать одних, ни восставать против других. И тот, кто был врагом тебе, одарённый любовью твоей, возьмёт дочь твоего народа, чтобы стать мужем ей, и породнится народ с народом, и исчезнет вражда, побежденная любовью, как исчезает на заре побежденная светом тьма.

- Но Бог избрал наш народ, он запретил отдавать дочерей нашего народа замуж за сыновей иноверцев, и брать дочерей их сынам народа нашего. И сказано, чтобы не искал наш народ мира с ними. Как же тогда понимать слова твои?

- Бог избрал народ наш, чтобы он нёс свет истины другим народам. Скажи, если ты одного из сыновей своих поставишь учителем над остальными, разве будешь ты с ненавистью относиться к тем, кого сделал учениками, и любить лишь учителя? Ведь все они братья, дети твои.

- Но еврей не может быть братом гою, так писано в Законе!

- Скажи, Иуда, Бог един?

- Да, Бог един для всех, а кто молится другим богам, идолам – тот не познал истинного Бога.

- Вот видишь, Бог един, значит все народы – дети его. Тех, кто не познал истину, следует учить, а не убивать. Бог – есть любовь, а ненависть исходит от людей, не познавших одной простой истины – только любовь созидает, а ненависть разрушает души ненавидящих.

Христу нравился этот пытливый юноша, стремящийся разобраться во всем, познать истину, и он решил приобщить его к своим ученикам. Когда Иуда рассказал об этом Каиафе, тот долго думал: отпустить Иуду с Христом или нет. Запретить Иуде, быть среди учеников Иисуса он не мог, это означало бы то, что не убедил он своего воспитанника в истинности законов Моисеевых, и лишь запретом доказал свою правоту, а запретный плод, как известно, сладок. Но и отпустить его он не мог, кто тогда докажет Иуде, что ложно учение сына плотника? И тогда Каиафа сказал:

- Конечно же, ты можешь быть среди учеников Иисуса, но, как я понимаю, ты ещё сам не решил, какое учение ты принимаешь: Моисея или сына плотника.

- Я хочу разобраться во всём, равви.

- Это правильно, что ты сам решил во всём разобраться, но кто же поможет тебе, когда не будет меня рядом с тобой? Можешь, как и прежде приходить ко мне и рассказывать о том, чему вас учит Христос, я и сам хочу лучше узнать то, что говорит вам сын плотника, – слукавил Каиафа.

- Но почему именно сыном плотника называешь ты его? Иисус происходит из рода Давида, и прошел исполнить Закон, данный Господом нашим.

- Кто лучше нас, саддукеев, может исполнить Закон? Мы чтим каждую букву Закона, а что может дать людям он? Он говорит вам о Царстве Небесном? Но Господь создал человека из глины и грязи, и вдохнул в него душу живую, и прожив жизнь свою, возвратится человек в грязь, из которой взят. И Иисус твой не исключение, для Господа он, конечно же, сын Божий, а для людей он не более чем сын плотника. Вот почему я так говорю.

- Но учит он людей не плотницкому ремеслу, а Закону, данному Господом Богом. «Бог – есть любовь» – говорит он.

- А помнишь ли ты, Иуда, что говорил Господь наш Иисусу Навину?

- Он повелел Иисусу убить всех жителей Иерихона: и мужчин, и женщин, и детей, и весь скот их.

- То же повелел он Иисусу Навину сделать и с жителями Гая и других городов, расположенных по ту сторону Иордана, ибо отдал эти земли иудеям, сынам Израилевым. Господь Бог наш, Бог Авраама и Моисея, и имя ему – Иегова! Так ответь мне: может ли тот, кто называет себя сыном Господа нашего, учить народ любить врагов своих, если отец его небесный учил ненавидеть и уничтожать врагов детей Израилевых?

- Но Иисус учит, что Бог един и для нас, и для тех, кто не принадлежит народу нашему.

- Господь являет любовь свою сынам народа им избранного, но с врагами нашими он жесток и беспощаден. Потомок царя Давида не может учить народ любви к врагам своим. Закон дан Богом нашему народу, всё, что писано в Законе – свято, и не подлежит сомнению.

- Но Закон писан людьми, а люди могли и исказить заветы Господа, как понять, что в Законе от Бога, а что от людей?

- Как язык твой повернулся сказать такое!? Закон писан пророками, познавшими Всевышнего! Любое отступление от буквы Закона – ересь! И я не хочу больше слышать ереси в святых стенах! Уйди от меня! Знать тебя больше не желаю!

Иуда ничего не возразил разъяренному первосвященнику, он молча повернулся, и пошел прочь. Каиафа понял, что погорячился. Сейчас он уйдет. Уйдет, и никогда больше не вернется. А Каиафе нужен, очень нужен был тот, кто бы сообщал ему о каждом шаге Иисуса Назарея.

- Постой. Вернись, – примирительным тоном сказал он, – ты уходишь с обидой в сердце своем, так и не поняв истины. Иди к Иисусу, слушай, что он говорит, но прежде, чем подвергать сомнению то, что писано в Законе, подвергни сомнению то, что говорит он, сын плотника. Если ты будешь тверд в вере нашей, то быстро поймешь, где истина, а где заблуждение. Я всегда готов помочь тебе, приходи, двери храма и дома моего всегда открыты для тебя.

Иуда ушел, но Каиафа был уверен, что он вернется, обязательно вернется и всё расскажет ему, он слишком хорошо знал Иуду. Как бы ни было велико влияние Христа на него, влияние Каиафы было не меньшим.

Так Иуда Искариот стал одним из двенадцати апостолов Иисуса Христа.

Понтий Пилат

Прокуратор Иудеи Понтий Пилат шёл по аллее сада. Вчера из Рима пришел корабль, он привёз письмо от кесаря Тиберия. Слухи об Иисусе Назарее, который собирает на своих проповедях толпы людей, дошел и до Рима. Кесарь требовал от прокуратора подробного отчёта о событиях происходящих в связи с появлением этого проповедника, называемого Христом, спасителем. Кесаря волновала популярность Иисуса. Он опасался, народных волнений. Понтий Пилат же, не разделял опасений Тиберия, его больше беспокоил бесчинствующий в этих краях разбойник Варавва. Недавно он напал на обоз с продовольствием и деньгами для римских легионеров, и ограбил его. Все попытки выследить и поймать разбойника до сих пор не имели успеха. Прокуратор ждал своего помощника, Антония. Антоний прибыл точно в назначенный час.

- Ты звал меня? – обратился он к Понтию Пилату.

Антоний был строен, высок, на полголовы выше своего господина. Левую щеку воина украшал шрам. Он сын погибшего друга Пилата, и прокуратор приблизил его к себе, поручая задания особой важности – те, которые он не мог доверить никому. Антоний был не только воином, он получил высшую степень образования, окончив риторсткую школу, и обладал знаниями, весьма полезными для Понтия Пилата в деле управления вверенным ему краем. Властный и жестокий прокуратор часто пользовался знаниями Антония, но никогда не просил совета, поступая лишь по своему усмотрению.

- Да, Антоний, я звал тебя. Что ты можешь сказать по поводу Вараввы? Если этот разбойник и дальше будет продолжать грабить наши обозы, то римские легионы скоро останутся без денег и без питания. Неужели славные наши центурионы не могут справиться с кучкой жалких оборванцев?

- К сожалению, Варавва неуловим.

- Неуловим? Он что может возникнуть и раствориться как призрак? Разве он не из плоти и крови? Разве нет людей, у которых он находит приют?

- Мы назначили награду за его голову, но люди не выдают его.

- Не выдают? Разве нет в Иудее людей, которые за награду, или хотя бы из-за страха перед нами выдадут его?

- Но его они боятся больше чем нас. Они верят, что он неуловим и опасаются мести, если предадут его. Он и его люди – это сикарии, они безжалостны к тем, кого заподозрят в содействии римской власти.

- Неужели настолько велик страх перед ним? Назначь больше денег за его голову!

- Нет, это не поможет! Однажды мы получили сведения о том, в каком селении он будет ночевать. Мы напали на это селение, но Варавве удалось уйти. Потом он вернулся и сжег всю деревню, он убил всех жителей, даже детей. Люди боятся его. Они верят в то, что его невозможно поймать, верят в то, что он бессмертен. Если его убить, он воскреснет и снова начнет мстить тем, кто предал его. Варавва вечен, как вечно зло на этой земле.

- Надо положить конец этим слухам! Варавву нужно непременно поймать и казнить! Чтобы все видели, что это обыкновенный человек из плоти и крови, и всякому злу приходит конец.

- Мы поймаем его, устроим ему ловушку. Завтра снова пойдет обоз с продовольствием и деньгами. Я велел держать это в строгом секрете. То, что держится в строгом секрете, непременно становится известно людям Вараввы. Думаю, он приложит все усилия, чтобы выведать маршрут. Но вместо мешков с продовольствием и деньгами телеги повезут легионеров, прикрытых мешковиной. Варавва попадет в ловушку, мы схватим его.

- А кто знает о ловушке?

- Только я и ты.

- Это хорошо. Надеюсь, тебе удастся этот план, и я доложу об этом кесарю. А теперь иди, я жду Каиафу, он не должен видеть тебя.

Перед тем, как ответить Тиберию на его письмо, Понтий Пилат решил побеседовать с Каиафой. Этот первосвященник пользовался большим влиянием среди иудеев, и прокуратор не мог не считаться с его мнением. Главное интересовало его, почему священники так опасаются Иисуса, что крамольного было в учении Христа, и действительно ли оно могло угрожать владычеству римлян в Иудее.

Каиафа не предупреждал прокуратора о своем прибытии через слуг, и не ждал аудиенции, как другие посетители: он вошёл и направился прямо в сад, где прогуливался Понтий Пилат. С прокуратором он держался на равных, слегка подчеркивая своё превосходство, считая, что должность служителя Господа должна расцениваться как более важная, нежели должность римского прокуратора. За Понтием Пилатом стоит император, за Каиафой – сам Господь Бог.

- Приветствую тебя, прокуратор Иудеи, – сказал Каиафа, приблизившись к Понтию Пилату.

- Привет и тебе, Каиафа, – ответил тот.

- Говорят, ты хотел видеть меня?

- Да, я хотел тебя спросить, что ты думаешь о том бродячем проповеднике, которого называют Иисусом Христом? Говорят, он пользуется большой популярностью среди народа?

- Это ты говоришь о Назарее, сыне плотника? – скривил губы Каиафа в саркастической усмешке. – Слухи о его популярности сильно преувеличены, ходят за ним такие же оборванцы, как и он сам.

- Почему ты называешь его оборванцем? Слышал я, что происходит он из рода Давида, рода ваших царей.

- Род Давида давно угас. Если Иисус и происходит из этого рода, то всё равно он оборванец, и никогда ему не взойти на престол.

- Значит, он не представляет никакой опасности ни для Иудеи, ни для римской империи, – заключил прокуратор из слов Каиафы.

- Ну, это как сказать. Сам он, естественно, никакой опасности не представляет, но его ложное учение, как ржавчина, разъедает умы людей. Слово иногда бывает опаснее меча, если люди поверят ему, то перестанут соблюдать законы Моисеевы – то, чем живет народ иудейский, на чем стоит государство наше.

- Разве он призывает народ к бунту?

- Он возомнил себя посланцем Господа, царем Иудейским. Он с презрением относится к священникам, которые самим Господом избраны для служения ему. Это хуже, чем призывы к бунту, это покушение на святая святых Иудеи, на основы иудейской религии.

- До религии вашей кесарю римскому нет дела, это ваше право и ваше дело, какому Богу молиться. Римскому государству он, по-видимому, ничем не угрожает.

- Напрасно ты так думаешь, прокуратор. Распад любой империи начинается с распада идеологии.

- Но его проповеди касаются лишь вашей религии, как это может угрожать идеологии империи Рима?

- Рано или поздно учение Иисуса может выйти за пределы Иудеи.

- Не преувеличиваешь ли ты опасность, Каиафа? Ведь ты говоришь мне, что за ним ходит лишь толпа оборванцев, таких же, как и он сам.

- Все начинается с малого, самая полноводная река, которая разливается и затопляет поля, начинается с маленького ручейка. Если не пресечь зло в самом его начале, потом может быть уже поздно. Проповедям сына плотника нужно положить конец.

- Каким образом?

- Его нужно судить, как преступника, посягнувшего на основы порядка, установленного Господом нашим.

- Ну, так и суди его. Мы не мешаем вам молиться вашему Богу, и не запрещаем вам судить вероотступников.

- Но он опасен для Рима! Поверь мне, прокуратор.

- Позволь это решать мне самому, кто более опасен для Рима: бродячий проповедник, или разбойник, нападающий на обозы.

В глазах первосвященника блеснула ненависть и презрение. Он умолк. Его попытки убедить римского прокуратора в опасности, исходящей из учения Иисуса, и отвести его внимание от Вараввы, не удалось. Сам Каиафа не считал, что учение Христа может серьезно повлиять на религиозные воззрения народа. На земле иудейской существовало множество течений: саддукеи, к которым принадлежал Каиафа, фарисеи, ессеи, назареи, к которым причисляли Христа, зелоты, к которым относили Варавву, – и все они по-своему трактовали Закон.

Фарисеи признавали и письменный, и устный Закон, вели аскетический образ жизни. Саддукеи, признавая лишь букву письменного Закона, и отрицая устный Закон, предпочитали роскошь и богатство. Ессеи отличались строгим аскетизмом, и не терпели никакого инакомыслия. Назареи – бродячие проповедники и целители, учили народ любви и смирению, зелоты, признающие лишь силу оружия, призывали к вооруженному свержению римского владычества. Но все они верили в мессию, происходящего из рода иудейских царей, который спасет землю и народ свой от римских поработителей. Роль мессии большинство из них связывало с зелотом Иисусом Вараввой, который призывал

к восстанию против римлян. Вот и пытался Каиафа отвлечь внимание Понтия Пилата от Вараввы, убедив его в том, что опасность исходит, именно от Христа.

Каиафа ушёл, и Понтий Пилат, проводив его долгим, презрительным взглядом, остался один. Он понял, что убеждая его в опасности, исходящей из проповедей Христа, Каиафа пытается всячески обезопасить от гнева прокуратора Варавву. «Наверняка, – думал Понтий Пилат, – Каиафа имеет связь с этим разбойником, именно поэтому его никак не могут схватить. Нужно немедленно покончить с ним, а тогда уже разговаривать с Каиафой. Кто управляет этим государством? Священники совместно с разбойниками с большой дороги? Да и какая собственно между ними разница? И те и другие грабят народ, держат его в страхе и повиновении. Одни стараются уклониться от уплаты налогов римскому кесарю, а другие их и вовсе не платят. И в этом государстве находится единственный человек, который призывает не отвечать злом на зло, проповедует любовь к людям – и это он угрожает римской империи? Священники хотят схватить его и предать смерти. На чем же зиждется это государство, если проповедовать любовь к людям считается в нем преступлением?» Понтий Пилат решил сам, лично поговорить с Иисусом Христом, но в первую очередь нужно покончить с Вараввой. Сегодня же ночью он должен быть схвачен.

Варавва

Обоз медленно втягивался в лес. Скрипели колеса на колдобинах разбитой дороги, слышались крики возниц, храп лошадей, да команды начальника отряда охраны. Отряд был немногочисленным. Ни возницы, ни воины охраны не знали о том, что таится под мешками в повозках, и лишь один Антоний, ехавший во главе отряда, знал истинное назначение обоза. День клонился к закату. «Днем не нападут, – думал Антоний. – Только с наступлением темноты следует опасаться атаки разбойников». Но, как только последняя повозка обоза

вошла в лес, впереди на дороге замаячила фигура вооруженного человека. Он стоял спокойно, не двигаясь, и ждал приближения обоза. Антоний ошибся, он не предполагал, что разбойники так обнаглеют, что станут нападать на транспорты среди бела дня. Им наверняка было всё известно: не только маршрут обоза, но и состав охраны. Когда обоз приблизился, разбойник поднял меч, приказывая остановиться. Повозки остановились. Из лесу, из чащи появились вооруженные люди, быстро окружили обоз.

«Торопиться нельзя, – думал Антоний. – Нужно ждать, когда они плотнее сомкнутся, надо точно рассчитать удар. Главное – схватить Варавву, не дать ему уйти.»

Воины, затаившись под мешками, ждали команды. Антоний не спешил. Он приказал охране опустить оружие и не сопротивляться. Варавва подошел вплотную к Антонию, и скривив губы в усмешке, произнёс:

- Мудро с твоей стороны было опустить оружие, это может спасти вам жизнь. Тут одни проповедник говорит, что если разбойник отнял у тебя штаны, то отдай ему и рубашку.

Разбойники засмеялись.

- Я вижу не только иудеи, но и римляне прислушиваются к словам Назарея, – смеялся Варавва, он подошел близко, совсем близко к Антонию, и стал слева от него, справа, чуть дальше стоял другой разбойник.

Антоний держал руки, сложенные крест на крест под плащом, правая рука сжимала рукоять меча, висящего вдоль левого бедра. Он не пользовался коротким римским мечом, гладиусом. Мечи эти делали из низкосортного железа, они быстро тупились, и хотя имели преимущество при действиях в строю, были мало пригодны в индивидуальной схватке. Антоний предпочитал спату, длинный кельтский меч, изготовлявшийся из высококачественной стали. Его применяли в основном в кавалерии римлян. Разбойник, вооруженный коротким римским мечом, стоял справа от него так, что Антоний не смог бы напасть неожиданно. Разбойник понимал, что его противник вооружен, но короткий римский меч, на таком расстоянии бесполезен, потому он был спокоен, и с легкой ух-

мылкой поглядывал на Антония. То, что произошло дальше, привело разбойников в шок.

Антоний поднял левую руку вверх, приподнимая полы плаща, освобождая меч. Правая рука его в этот момент с нарастающей быстротой выхватывала из ножен спату. Меч, сверкнув в лучах заходящего солнца, взлетел вверх, затем, описав дугу вправо, со свистом рассекая воздух, полетел в сторону разбойника. Антоний сделал выпад вправо, усиливая удар. Разбойник слишком поздно понял свою ошибку. Он поднял руку с мечом, пытаясь защититься от удара. Но разве какой-то меч-коротышка сможет удержать спату? Со звоном отбив гладиус разбойника, спата в одно мгновение снесла ему голову. Звон меча был сигналом для воинов. Телеги взорвались брызгами мечей и щитов, войско, в несколько раз превосходящее численность разбойников, мгновенно выросло перед ними, словно из-под земли.

Антоний бросился к Варавве. Тот был вооружен обычным римским мечом: фактически беззащитен перед спатой Антония. Сапата была большой редкостью на контролируемых Римом территориях. В экипировке кавалеристов Рима того времени отсутствовали стремена, а эффективно работать мечом сидя на коне, но не имея опоры в ногах, было сложно, и кавалерия не находила широкого применения в боях. Потому длинные кельтские мечи имели немногие воины.

Антоний мог без труда поразить Варавву, но тот нужен был ему живым. Легионеры обступили разбойника, но Антоний приказал им держаться на безопасном расстоянии. Варавва, отлично владевший мечом, в ближнем бою мог уложить нескольких легионеров прежде, чем его схватят. Антоний сделал выпад в сторону Вараввы, заставляя его защищаться. Варавва поднял меч, чтобы отразить удар, но Антоний увел спату в сторону, вниз, и описав дугу, ударил лезвием спаты по клинку Вараввы у самого основания. Спата срезала гладиус разбойника, как стебель тростника. Варавва остался без оружия.

- Хватайте его! – скомандовал Антоний.

Трое крепких легионеров навалились сзади на Варавву, схватили его и связали. Остальные разбойники, подавленные внезапным появлением превосходящих сил противника, не могли оказать серьезного сопротивления. Разрубленные мечами, пронзённые копьями тела многих из них лежали на земле, оставшиеся в живых были обезоружены, и стояли, окружённые воинами отряда. Раненые лежали тут же, ожидая своей участи.

И только Шимону, одному из воинов отряда Вараввы, удалось вырваться незамеченным из кольца римских легионеров. Схоронившись за кустом, в чаще леса, он с ужасом наблюдал картину безжалостной расправы со своими товарищами.

Раненых добили, и мертвые тела оттащили с дороги. Потом дошло дело и до живых. Антоний подошел к одному из разбойников и сходу, не говоря ни слова, снес ему голову, продолжая двигаться вдоль строя. Он подошел к следующему разбойнику и поднял меч. Разбойник взмолился, пытаясь выпросить пощаду.

- Те, кого ты грабил и убивал, тоже просили тебя о пощаде, – сказал Антоний, – но ты не пожалел их, чего же ты ждёшь от меня?

- Милосердия, господин, милосердия, – ответил разбойник.

- Милосердия? Хорошо, я проявлю милосердие, я убью тебя сейчас, мечом, и ты избежишь распятия, – с этими словами он провел острием меча по горлу разбойника, голова запрокинулась назад, из горла хлынула кровь, разбойник покачнулся и рухнул наземь.

- Кончайте с остальными, – распорядился Антоний. Когда со всеми разбойниками было покончено, обоз продолжил свой путь, везя единственную добычу – связанного по рукам и ногам Варавву.

Шимон оставался в своем убежище, не смея пошевелиться, стараясь не дышать. И лишь когда точная тьма окутала лесную чащу, замолкли голоса солдат, и только какая-то ночная птица горестно кричала, словно оплакивая убитых, Шимон поднялся на ноги, и нетвердой походкой направился вон, подальше от этого проклятого места.

Несмотря на позднее время, Понтий Пилат не спал, он ждал Антония. Наконец, тот пришел. Он был прямо с дороги, в пыльном плаще, со свежими пятнами крови, разгоряченный и возбужденный недавним боем. По выражению его лица прокуратор понял, что операция удалась.

- Я выполнил всё, что обещал, – сказал Антоний прямо с порога вместо приветствия, – Варавва схвачен, закован в цепи, и брошен в подземелье.

- А остальные?

- Убиты.

- Все?

- Все до единого.

- Вот и хорошо. Теперь я по-другому могу говорить с Каиафой, но для начала мне нужно встретиться с Христом, найди его, Антоний, и передай, только так, чтобы другие не слышали, что прокуратор просил его придти. Ты понял меня, Антоний?

- Да, мой господин, понял.

- И перестань называть меня «мой господин». Ты не раб мне!

Письмо прокуратора кесарю Тиберию

Наутро Антоний разыскал Иисуса Христа, который был на окраине города в окружении своих учеников. Он подошел к нему, поклонился, и тихо сказал:

- Прокуратор просил, – он сделал ударение на слове «просил», но произнес его таким тоном, чтобы было ясно, что просьба хотя и не содержит угрозы, но равносильна приказу – чтобы ты пришел к нему, как только сможешь.

Христос отвечал ему так же тихо:

- Передай прокуратору: я приду, как только солнце склонится к закату.

Он исполнил своё обещание, явившись к прокуратору, как только край солнца коснулся горизонта.

Когда прокуратору доложили, что к нему пришёл бродячий проповедник, Понтий Пилат сказал:

- Пусть войдет.

Иисус вошел и остановился перед ним. Пилата охватило странное чувство тревоги и непонятного беспокойства. От этого человека, сына плотника, бродячего проповедника, варвара, дикаря, с точки зрения римлян, исходила какая-то неведомая, неодолимая сила. Он, Понтий Пилат, прокуратор Иудеи, наместник кесаря, имеющий неограниченную власть над этими людьми, чувствовал себя в присутствии Христа маленьким, ничтожным существом, не осмелившимся даже заговорить первым. Он вдруг остро почувствовал, что все богатства, вся земная власть его, всё, чего достиг он в этой жизни, вскоре обратятся в прах, и могила нищего ничем не будет отличаться от могилы вельможи. Все тленно на этой земле. Но того, вечного, нетленного, той духовной силы, которая исходила от Иисуса, не ощутил он в своей душе, там были лишь пустота и мрак.

- Ты просил меня придти, – сказал Иисус Понтию Пилату, – я пришел.

Пилат посмотрел на Иисуса, их глаза встретились, во взгляде Христа была кротость, спокойствие и уверенность. Пилат быстро овладел собой, преодолев минутную слабость, взгляд его вновь стал жёстким и властным, он сказал:

- Да, я звал тебя. Могу ли я спросить тебя о твоем учении?

- Я слушаю тебя, прокуратор, спрашивай.

- Говорят, что ты называешь себя царем Иудейским и жаждешь занять престол Ирода?

- Кто говорит тебе это? Мне ни к чему власть земная, когда царствие моё – Царство небесное. К чему мне тленное, когда мой удел – вечность? Имеющий власть земную обратится в прах, всё станет прахом: и власть его, и богатства, и сам он. Лишь с тем, что накопил ты в душе своей, станешь ты на пороге Царствия небесного, а если же пуста душа твоя, то и она станет прахом, как и ты сам.

При этих словах Иисуса, сказанных спокойно, но твердо и уверенно, прокуратору стало не по себе, леденящий холод сковал его душу, и он с болью

ощутил пустоту в душе своей. Но он, римлянин, не мог себе позволить проявить слабость перед иудеем, взгляд его стал жёстче, в голосе звучали нотки металла:

- Чему учишь ты свой народ?! Говорят, будто ты подстрекаешь людей к бунту против римского владычества?!

- Я учу народ любви и смирению. Я учу их любить не только ближних, но и врагов своих. Ненависть порождает ненависть, бунт против власти порождает насилие со стороны власти. Те, кто поднимут бунт и сметут власть, сами станут этой властью, но ещё более кровавой и жестокой. Только смирение и любовь могут спасти мир, но понимать это должны все: и те, кто этой власти подчинен, и те, кто эту власть имеют. Ибо, кому многое дано, с того многое и спросится.

- Говорят, будто ты против уплаты податей римскому кесарю?

- У тебя есть монета? Дай мне её.

Понтий Пилат протянул монету Христу. Взяв в руки монету, Иисус отвечал:

- Посмотри, что изображено на монете? Лик кесаря. Так отдайте кесарю кесарево, а Богу воздайте Богово! – сказал Иисус, возвращая монету Понтию Пилату,

- Так зачем же тогда ты опрокинул столы менял, которые у ворот Храма меняют динарии на сикли? Если кесарю – кесарево, а Богу – Богово, то, что тебе до менял?

- Но я не делал этого, я не опрокидывал, столов. Когда служители не пустили в храм человека, у которого не было денег, я сказал, что каждый имеет право войти в храм и обратиться к Богу, не зависимо от того, богат он или беден. Но священники требуют, чтобы каждый, входящий в храм, жертвовал полсикля в храмовую казну. В ходу в основном динарии, их меняют на сикли, чтобы внести в Храм и пожертвовать саддукеям. Римские монеты нельзя вносить в Храм, на них изображены языческие знаки. Саддукеи собирают золото, а затем везут его в Рим и продают, где цена на золото в два с половиной раза выше, чем

в Иерусалиме. Те, которые должны служить Богу, служат мамоне, а я говорил – нельзя молиться двум Богам: Господу и мамоне! Служители религии неслыханно обогащаются, в то время как народ прозябает в нищете и бесправии.

У Понтия Пилата перехватило дух. Он понял, какой источник доходов находится в руках саддукеев. Так, вот почему Каиафа с таким рвением заботился о том, чтобы схватить Иисуса и предать казни! Иисус знал о том, о чем знать не должен был никто. Не вопросы религии и ереси волновали его, тут вопрос денег – и денег больших, очень больших! Формально прокуратор не имел права ни запретить валютные операции, ни прибрать эти махинации к своим рукам. Но идея, которую совершенно случайно подбросил ему Иисус, стоила того, чтобы над ней серьезно подумать. Возможно, удастся использовать борьбу Иисуса за чистоту религии в своих собственных целях. По крайней мере, этого назарея нужно беречь! Нужно сделать всё, чтобы он не попал в руки Каиафы!

- Недавно у меня был первосвященник Каиафа. Он хочет схватить тебя и судить, возможно, даже предать смерти.

- Я знаю, – спокойно ответил Иисус.

- Я помогу тебе избежать казни. Дам человека, который поможет тебе укрыться так, что Каиафа не сможет тебя достать.

- Ты предлагаешь мне бежать?

- Да, я предлагаю тебе бежать. Причем, прямо сейчас.

- Только трус бежит от судьбы своей, бросив всё, чему он служил. Я учу людей любви и смирению, я учу их тому, что тело тленно, и только душа бессмертна, если наполнена она любовью к людям. Скажи, чего будет стоить моё учение, если учитель, спасая жизнь свою, бренное своё тело, которое рано или поздно всё равно обратится в прах, предаст тех, кто любит его, предаст любовь, которой он учит людей?

- Наверное, ты прав, – ответил Понтий Пилат Христу, – но вряд ли смогу сделать для тебя что-то большее.

- Делай то, что велит тебе твой долг.

- Тогда, прощай, – сказал прокуратор и поклонился, это произошло само собой, мимо его воли. Понтий Пилат впервые склонил голову перед человеком, который был по статусу ниже его.

Простившись с Иисусом, прокуратор сел писать письмо императору Тиберию. Он сообщал о том, что удалось, наконец, обезвредить банду разбойника, нападавшего на транспорты с продовольствием и деньгами для римских легионеров. Далее он убеждал императора в том, что деятельность бродячего проповедника, называющего себя Иисусом Христом, ничем не может грозить господству римлян на территории Иудеи: наоборот, он убеждал народ, что восстанием не добиться свободы, лишь кровь, смерть и горе принесет народу вооруженная борьба.

Дело в том, что в последнее время появилось множество бродячих проповедников, призывающих народ к свержению римского владычества. Их хватали и казнили, распинали без суда и следствия. Синедрион не принимал участия в этом, это было дело римлян. Священники иногда пытались заступиться за осужденных, либо косвенными путями всячески препятствовали их поимке. Требования Каиафы пресечь деятельность Иисуса насторожила прокуратора. Отношения между римлянами и правящими кругами Иудеи было достаточно сложными. Предшественник Понтия Пилата, Валерий Грат, сменил в короткий период четырех первосвященников, остановив свой выбор на Каиафе, но если он был хитрым и тонким политиком, пытавшимся миром улаживать все спорные вопросы, то Понтий Пилат был солдатом, прямолинейным и грубым, он не искал ни с кем компромисса, а всегда шел напролом.

Он не считался обычаями и святынями иудеев, чем вызывал возмущение священников и простого народа. Однажды он внёс в Иерусалим хоругви с изображением римского кесаря, оскорбив тем самым религиозные чувства верующих, никаких изображений в святом городе быть не должно. Ни просьбы, ни мольбы не могли заставить его изменить своё решение, и священники обратились с жалобой к самому Тиберию. Оскорбляло их религиозные убеждения и то, что прокуратор пользовался правом назначать первосвященника по своему

усмотрению. Среди священников и народа зрело глухое недовольство правлением Понтия Пилата. Различные проповедники, призывающие к свержению римской власти, если и не поощрялись священниками прямо, то, по крайней мере, не осуждались.

При этом поддержку находили не только проповедники, призывающие к свержению римлян, но и разбойники, нападающие на римские гарнизоны, и тот факт, что разбойники грабили и убивали не только римлян, но и иудеев, священников нисколько не смущал.

Что делаешь, делай скорее

Из всех учеников Иисуса Иуда был самым просвещенным, посвятившим ни один год изучению Закона, самым пытливым, пытающимся детально разобраться в учении Христа. После встречи с Пилатом, Иисус решил поговорить с Иудой наедине:

- Послушай, Иуда, – сказал он, – боюсь, что не все мои ученики правильно понимают меня. Я пришел исполнить Закон, очистить его от всего, что принесёт несчастья и беды нашему народу. Во Второзаконии сказано, что нельзя давать в рост ни серебра, ни хлеба, ничего, что можно дать в рост брату своему, но можно давать в рост иноземцам, чтобы овладеть землями их. А я говорю: если попросит кто у тебя в долг, дай ему всё, что он просит, и не требуй ничего в замен.

Иисус Навин велел убивать всех врагов, и воинов, и женщин, и детей, а я говорю: возлюби врага своего, как самого себя.

В учении сказано: ***«око за око – зуб за зуб»***, а я говорю: если отберет у тебя кто рубашку – отдай ему и верхнюю одежду.

В учении говорится о ненависти к тем, кто не принадлежит нашему народу, а я говорю о любви к каждому, живущему на этой земле. Ненависть разрушает, созидает только любовь. Всё что несёт ненависть, насилие, что сказано

о власти и богатстве – не от Бога, это принесли в Учение люди, которые хотят использовать наш народ для достижения своих целей, для управления миром, чтобы держать в рабстве все народы и властвовать над ними.

- Но кто эти люди? Ведь Закон дан нам Моисеем! Кто же мог исказить его?

- Моисей привел нас из земли египетской, он учил людей Закону, данному ему Богом. На народ наш господь возложил великую миссию – нести всему миру правду и свет, дать людям Тору. Но жрецы Амона хотят сами править миром, разделив его на господ и рабов, они убили Моисея и подменили Закон, данный Господом. Страшные беды ждут наш народ, если пойдет он по пути, предначертанному жрецами. Нужно очистить Закон от лжи, чтобы народ наш шёл по пути, намеченному Господом Богом нашим.

Я говорю об этом людям, но не все понимают меня, да и от людей не все зависит. Я хочу, чтобы те, кто исполняет Закон, услышали и поняли меня. Саддукеи считают, что они управляют нашим народом, что всё зависит от воли людей, что стоит только одолеть римское владычество, как минуют все беды иудейской земли. Но они ошибаются – не они правят миром. И если они не поймут этого, не пойдут по пути, намеченному Всевышним, народ наш будет рассеян по всей земле, некоторые из них будут иметь деньги и власть, давая в рост всё, что можно дать в рост иноземцам. Но не свою власть будут исполнять они, а власть тех, кто исказил Закон, и станут рабами денег. Нужно очистить Закон, а сделать это могут только те, кто его толкует – саддукеи, фарисеи, ессеи. С ними я хочу говорить.

- Отчего же ты не пойдешь к ним? Отчего же ты не скажешь им то, что говоришь народу?

- Они не хотят слушать меня, саддукеи погрязли в богатстве и роскоши. Они не станут говорить с тем, кто не носит дорогих одежд. Они и в храм пускают только за деньги. Фарисеи и ессеи не хотят слушать никого, кто думает и говорит не так, как они. Ведь ты был любимым учеником Каиафы, Иуда?

- Он и сейчас не отказался от меня, он просил приходить к нему со всеми вопросами, которые мне не понятны.

- Ты сможешь устроить так, чтобы он принял меня, и говорил со мной?

- Я попрошу Каиафу, – ответил Иуда, – возможно, он станет говорить с тобой, но отзывается он о тебе с насмешкой.

- Думаю, он изменит своё мнение, если услышит всё, что я скажу. Иди Иуда, и поговори с Каиафой.

Иуда ушел. Когда он явился к первосвященнику и рассказал всё, о чем просил его Иисус, Каиафа в ответ рассмеялся:

- Ты, хоть думаешь, о чем ты меня просишь, Иуда? Ты только посмотри: кто я, и кто он! Я – первосвященник, властью, данной мне Господом нашим, обязан блюсти Закон Моисея, а он – бродячий проповедник, еретик! Неужели ты думаешь, что я унижусь до того, что приму его здесь, в своем доме?

- Но это очень важно, равви, – ответил Иуда, – ты должен услышать то, что он говорит, от этого зависит судьба нашего народа.

- Судьба нашего народа зависит от нас, от того, как мы, саддукеи, блюдем Закон, данный нам Господом нашим через пророка Моисея. Все остальное – ересь! А с Иисусом я буду разговаривать только тогда, когда его приведут ко мне под стражей, в цепях! Так и передай ему! Другого разговора у нас с ним не будет!

Иуда повернулся и пошел прочь, не сказав ничего в ответ первосвященнику. Он был печален и мрачен: Каиафа отказался говорить с Иисусом, как с равным, он и слышать ничего не желает о сыне плотника.

- Ну, что скажешь? – спросил Иисус Иуду, – Говорил ли ты с Каиафой?

Иуда молчал, опустив взор.

- Что же ты молчишь? Говори. Что тебе сказал Каиафа?

- Он сказал, – Иуда с трудом поднял глаза на учителя, – он сказал, что будет говорить с тобой только тогда, когда тебя приведут к нему под стражей, в цепях, другого разговора не будет. Так он сказал.

Иисус молчал, глядя куда-то вдаль, мимо Иуды, потом посмотрел на него, и словно взвешивая каждое слово, ответил:

- Что ж, я согласен говорить с ним. Даже на таких условиях. Пусть меня приведут к нему под стражей, в цепях. Главное, чтобы он услышал меня.

- А если они убьют тебя?

- Им не в чем меня обвинить, я не делал и не говорил ничего, что карается смертью по нашим законам.

- Они могут убить тебя тайно, без суда.

- Они не смогут этого сделать, если тогда, когда они возьмут меня под стражу, со мной будут мои ученики. Я соберу их сегодня на вечерю, и расскажу, что им делать дальше, если я уже не смогу вернуться к ним. А ты иди к Каиафе. Скажи, что я согласен, пусть меня приведут под стражей к нему. Явишься со стражей, которую даст тебе Каиафа, перед рассветом в Гефсиманский сад, и укажешь им на меня.

- Но тогда все будут считать, что я предал тебя!

- Подашь им знак тайный. Ты поцелуешь меня, это и будет знаком того, что я тот, кто им нужен.

С тяжелой душой уходил Иуда к Каиафе, риск был велик, Всё могло сложиться не так, как рассчитывали, но Иисус так решил. Он понимал, чем может закончиться для него попытка объяснить первосвященнику суть того, чему учил он людей. Но это был единственный шанс донести истину до тех, от кого зависело будущее народа.

Каиафа, завидев Иуду, скривил губы в надменной усмешке:

- Ну, что? Готов ты предать своего учителя, Иуда?

- Да, готов! – ответил Иуда, дерзко подняв на первосвященника взгляд, полный боли и гнева. – Он так решил! Он будет говорить с тобой, пусть даже в цепях, и под стражей!

- Твой Иисус сам обрекает себя на смерть, он хочет, чтобы его побили камнями?

- Он хочет говорить с тобой! Он хочет, чтобы ты услышал его! И не важно, что будет потом! Ты не посмеешь отдать разъярённой толпе того, кто хочет спасти твой народ и тебя!

- Что я посмею, а что нет – не тебе решать. Судить его будет синедрион, всё будет решено по Закону! Ибо выше Закона нет ничего! Придешь ко мне после захода солнца, а пока иди, иди, Иуда.

Иуда ушел, а Каиафа направился к Анне, своему тестю, занимавшему ранее пост первосвященника, но и сейчас, будучи в отставке, оказывающего огромное влияние на религиозную и финансовую жизнь иудейского народа. Каиафа никогда не принимал решений самостоятельно, не посоветовавшись со своим тестем.

Выслушав своего зятя, Анна сказал:

- Скорее всего, мы не сможем ему предъявить никаких обвинений, которые караются смертью. Он это прекрасно понимает, иначе не отдал бы себя добровольно в руки стражников. Если только он сам, под пытками не подтвердит свою вину.

- Я не думаю, что он сам оговорит себя, да и одного его признания будет недостаточно, чтобы решить всё по закону.

- Иногда человек готов на всё, чтобы прекратить мучения, даже смерть покажется блаженством по сравнению с теми страданиями, которые придется испытать, а свидетели всегда найдутся, которые смогут подтвердить его вину.

- А если он, всё же, вынесет все муки, и не оговорит себя?

- Тогда отдадим его Пилату, как разбойника, призывающего к восстанию против Рима. При этом хорошо было бы, чтобы в составе стражи был кто-то из римлян, это выглядело бы убедительнее в глазах прокуратора.

- Есть у меня один центурион, Ксаверий, который за определенную плату готов оказать мне ту или иную услугу. Хотя римляне и не вмешиваются в наши религиозные дела, таковы правила, но порой динарии решают то, что не могут решить правила.

- Это хорошо, – ответил Анна, – центурион может и сам принять решение о казни опасного преступника, не докладывая об этом прокуратору.

- Вряд ли он на это способен, Ксаверий трусоват, и подвергать себя опасности, даже за большие деньги, он не станет.

- Что ж, будет достаточно и того, что он доставит Иисуса к Пилату.

Каиафа задумчиво посмотрел на своего тестя, и спросил:

- А может, не стоит вмешивать сюда римлян? Не обязательно же предавать его смерти, выдворить этого бродягу за пределы земли иудейской, да и всё. Не так уж он опасен, как я представил дело Пилату. Главное отвлечь его внимание от Вараввы.

- Нет! Теперь нужно вмешивать римлян! Обстоятельства изменились, Понтий Пилат взял Варавву!

- Как?! – вскрикнул Каиафа, привстав со своего места.

- Его взяли с поличным, при ограблении римского обоза.

- Ах! Говорил я ему: «Бросай эти бессмысленные грабежи!». Что теперь? Кто поведет народ против римлян? Кто возглавит восстание?

- Иисус Варавва и Иисус Назарей – оба происходят из древнего иудейского рода, рода царя Давида, но Варавва воин, а Назарей, называемый Христом, – бродячий проповедник. Нужно обменять сына плотника на Варавву.

- Но как?! Как это сделать?! – крикнул Каиафа.

- Пока не знаю, думай! Сейчас главное взять его, тем более, что он сам на это идет, и необходимо, да-да, именно сейчас это необходимо – привлечь к делу твоего центуриона! Как там его?

- Ксаверий.

- Действуй, Каиафа. Пошли гонца к этому Ксаверию, успеешь до завтрашнего утра?

- Успею.

- А если он откажется?

- Не откажется, я ему давал деньги в рост, он мне ещё должен, и будет должен до тех пор, пока я не прощу долг.

- Много взял в рост?

- Половину!

- Если так дело пойдет, то скоро весь Рим будет тебе должен! И восстания не потребуется. Истинно в писании сказано: «Давай в рост другим народам, и покоряться они тебе».

- Жаль, не все римляне такие, как Ксаверий, есть гордые, те денег в долг не берут, те просто отнимают.

- Но не у тебя же!

- У меня отнимешь! Как бы ни так!

Тогда он ещё не знал, что Понтий Пилат и у него отымет деньги, изъяв их из корвана, храмовой казны, на строительство нового акведука.

Каиафа ушел к себе, и тут же отослал гонца с письмом к центуриону Ксаверию. В письме он обещал, что если Ксаверий хорошо выполнит то, что он от него потребует, то Каиафа спишет половину долга.

Когда Иисус собрал своих учеников на тайную вечерю, он призвал к себе Иуду и сказал:

- Иди, и делай скорее то, что должен. Завтра перед рассветом буду я с учениками в Гефсиманском саду.

Иуда пришел к Каиафе и указал место, где соберутся ученики.

- Хорошо, – сказал первосвященник, – этой ночью центурион Ксаверий с отрядом будет нести дозор. Приведешь их на место перед рассветом, и укажешь Ксаверию на Христа.

- Я поцелую его. Тот, кого я поцелую, и будет Иисус Христос.

На том они и расстались.

Вечером, когда все ученики собрались отведать Пасху, Иисус сказал:

- Грустит душа моя и томится тоскою, возможно, последний раз вкушаю я с вами хлеб. Может случиться так, что не увидимся мы более с вами. Тогда вы продолжите дело моё, учите людей тому, чему учил я вас, будьте тверды в вере

вашей. Трудно вам будет, будут вас гнать и презирать, будут насмехаться над вами. Только вера в праведность того, что делаете, даст вам силы. Знаю, не легко это будет. Знаю и то, что один из вас отречется от меня.

Апостолы зароптали, они наперебой стали спрашивать Христа: «Не я ли, господи?».

- Обмакнувший со мной хлеб в эту чашу и предаст меня, – сказал Иисус. В чаше в этот момент была только рука Христа, и … Петра. Петр вздрогнул, и посмотрев в глаза Иисусу, сказал:

- Что бы ни случилось, никогда не отрекусь я от тебя!

- И петух не успеет прокричать, как трижды от меня ты отречешься! – ответил ему Иисус, – А теперь, я буду молиться. Тяжко мне, душа моя скорбит, хоть ты, Петр, Иоанн и Иаков, побудьте со мной.

Они вышли. Едва Христос произнес первые слова молитвы, как все, бывшие с ним, апостолы: и Петр, и Иаков, и Иоанн – все уснули крепким безмятежным сном. Иисус молился.

- Господи, – произнес он, – да минует меня чаша сия, если можно, пронеси эту чашу мимо меня.

Капли кровавого пота стекали по челу Иисуса, Риск был велик. Он понимал это, но не о спасении своем молился Иисус, он молился о том, чтобы первосвященник внял его словам и повел народ свой по пути, начертанному Господом. Слишком много зависело от завтрашнего разговора с Каиафой, слишком много. И знали об этом только двое: он и Иуда Искариот. Не мог Христос доверить ученикам своим то, что должно произойти. Они слишком любили его, и ни за что не пустили бы Иисуса к Каиафе. Не могли они ещё осознать того, что день завтрашний решит не только судьбу их народа, но и многих народов мира.

Поцелуй Иуды

Ещё первые лучи солнца едва позолотили легкие облака, и дыхание свежего, прохладного ветерка чуть колыхнуло листья деревьев, ещё не запели птицы в вышине, когда вышли они во двор, Иисус и апостолы. Новый, безмятежный день вставал над Землей.

Все вышли во двор в ожидании восхода солнца. Но не успели лучи дневного светила коснуться земли, как в утреннем сумраке возникли неясные очертания фигур. Казалось, из самой вечной тьмы явились зловещие призраки ночи, и чем ближе подходили они, тем яснее проступали силуэты вооруженных людей. Это был центурион с отрядом, а с ними Иуда. Они остановились напротив учеников Иисуса, которые, предчувствуя беду, окружили своего учителя. Ксаверий повернулся, и стал, широко расставив ноги, и положив правую руку на рукоять меча. Он ждал. Иуда медленно побрел в сторону Христа, он шёл, еле переставляя ноги, казалось, они были налиты свинцом. Ученики невольно расступились, давая ему дорогу. Шаг, еще шаг, еще. Всего три шага отделяли его от Иисуса, и он знал, что произойдет сейчас.

Иисус смотрел на Иуду, что же он медлит? «Что делаешь, делай скорее», – хочет сказать он. «В глазах твоих смятение и нерешительность? Смелее, Иуда, ты должен, должен это сделать!»

Иуда идет медленно, шаг за шагом. Ещё шаг. Теперь остается всего два, всего два шага. Он смотрит в глаза Иисуса, что он прочтет в них?

«А может не надо, учитель? Может не надо?» – мысленно говорит он Иисусу.

«Нет, надо, Иуда, надо, ты ведь сам знаешь, что надо».

«А что потом? Что же будет потом? Что делаю я? Предаю учителя своего в руки врагов?».

«Возлюби врага своего, так я учил вас. Нет у нас здесь врагов, нет, не враги они нам, Иуда, они и сами не ведают, что творят. Они должны знать правду, я должен им сказать».

Так, мысленно ведя разговор с Христом, он сделал еще один шаг. Теперь только один шаг оставался Иуде, только один. Он уже занес ногу, сейчас он опустит её, повернется к Иисусу, и пронзит его своим поцелуем, и всё, конец. Нога Иуды опускается на землю, шаг сделан, теперь поворот.

«Боже, что я делаю? Зачем, зачем я делаю это? Ведь я же знаю, что Каиафа обманет меня, он предаст смерти Иисуса! Зачем, зачем я делаю это?»

Иуда замер, и посмотрел в глаза Иисуса, и увидел там спокойствие и уверенность в правоте своей.

Вот уже близко щека учителя, вот он тянется к ней губами, и поцелуй обжигает щеку Иисуса. Всё. Назад возврата уже не будет, знак подан. Ксаверий медленно, спокойно направляется к Иисусу, держа руку на мече, за ним, в трех шагах, следует стража. Вот он уже подошел к Христу:

- Это ты, Иисус, сын плотника, называемый Христом? – спрашивает он.

- Да, это я, – отвечает Иисус.

- Иди за мной. – Ксаверий поворачивается и идет, Иисус следует за ним. Стража окружает его, и они направляются туда, где состоится заседание синедриона, к дому первосвященника Каиафы. Апостолы, как овцы покорно следуют за своим пастырем, не пытаясь его освободить. Вся процессия заходит во двор, апостолы, и Иуда в их числе остаются на улице.

Солнце ещё не взошло, не согрело землю своими лучами, и утренний холод пронизывал души и тела тех, кто шли за Христом. Какие-то люди грелись у костра, и Петр подошел к ним, чтобы согреться.

Мерзкая, грязная старуха, шамкая и брызгая слюной, спросила Петра:

- Это ты был с Иисусом, которого стража привела к Каиафе?

- Не знаю, о ком ты говоришь, старуха, не знаю я этого человека.

- Врёшь, знаешь, – продолжала настаивать она, – я видела тебя с ним вчера, теперь вот его схватили, он преступник, этот человек? Скажи.

- Отстань от меня! Не знаю я этого человека! Никогда я не был с ним!

- Говоришь: «Не был», а сам вот дрожишь. Боишься, чтобы и тебя не взяли вместе с ним?

- Ну, что ты пристала ко мне, старая, говорю: не знаю я его! Я дрожу от холода, замёрз, вот и подошел погреться у костра.

И тут услышал Петр, как прокричал петух. Петр опустился на камень и заплакал, он предал Христа, он отрекся.

Суд синедриона

Когда стража привела Иисуса к Каиафе, тот посмотрел на своего пленника, и усмехнулся:

- Ты хотел говорить со мной? Ну, что ж, говори, я слушаю тебя, что ты хотел мне сказать? Ты отрицаешь Закон, данный нам Моисеем?

- Я пришел, чтобы исполнить Закон, а не отрицать его. Я пришел очистить закон от того, что не сказано Богом, но дописано людьми, желающими власти над миром равной власти Бога.

- Кто же эти люди? Кто мог исказить Закон? Разве Моисей не был пророком, разве не Бог говорил с народом устами его?

- В Писании сказано, что Моисей разбил скрижали, на которых были написаны слова откровения Божьего, и приказал левитам убивать ближних своих, братьев своих. Скажи, для чего?

- Люди сотворили себе идола, золотого тельца, чем и прогневили пророка, он в гневе разбил скрижали, и приказал убить этих людей, чтобы очисть народ.

- Почему пророк, чьим оружием является слово Божье, скрижали с эти словом разбил, и помощью меча решил вразумить народ, не сумев вразумить его тем, что дано от Бога – словом?

- Те, которые преступили Закон, достойны смерти!

- Но тогда меч должен был пасть на голову Аарона. Ведь это он сделал людям золотого тельца, и сказал им: «Вот ваш бог, молитесь ему». Но Аарон избежал меча.

- Моисей просил Бога пощадить Аарона, и Бог пощадил. Аарон действовал по требованию людей, и единственное, что могло вразумить их – так это меч. Очищение Господне от скверны.

- А если меч очищения сразит и твою голову? Сколько их ещё будет, этих очищений мечом и огнем? Знаешь ли ты?

- Я не нарушаю Закон. Каждое слово Закона для меня свято. А тех, кто преступит его, ждет одна участь – смерть!

- Бог никому силой не навязывает свет истины. И знаешь ли ты, что было написано на тех, разбитых скрижалях, и что на тех, которые были даны взамен? На первых было начертано: «Бог – есть любовь», а на вторых: «Око за око, зуб за зуб». Я говорю: «Возлюбите врагов своих», а Моисей сказал: «Убейте ближнего своего, брата своего, друга своего». Мог ли это сказать пророк, который знает, что Бог – есть любовь?

- Любовь для тех, кто принимает Бога, а кто отвергнет – погибнет, ибо страшен гнев Божий.

- Может ли проявлять гнев тот, кто утверждает любовь? Законы Бога основаны на любви, а не на страхе. И не мог пророк, вдохновлённый Божественной любовью поднять меч на свой народ. Это сделали те, которые убили пророка, разбили святыни, и подменили Закон любви законом ненависти и страха.

- Но Моисей прожил до ста двадцати лет, он умер на земле Моавитской, так и не ступив на землю обетованную.

- Никто не знает, где могила его. Слова о смерти Моисея написаны, чтобы скрыть истину. А истина проста – он был убит теми, кто заменил любовь к Богу страхом перед ним, теми, кто поднял меч на свой народ. А я говорю – поднявший меч, от меча и погибнет. Левиты, к которым принадлежишь и ты, устроили резню среди народа, три тысячи человек погибло тогда. Не боишься ли сам погибнуть от меча?

- А кого мне бояться, кроме Бога? А Закон Божий я не нарушаю.

- Тех, которые правят миром, тех, которые убили пророка, разбили скрижали и подменили Закон.

- Но кто они?

- Это египетские жрецы бога Амона. Фараон Аменхотеп Четвертый, взявший имя Эхнатон, отстранил их от власти, придя к Богу истинному, единому Богу Атону, чьи заветы были даны Моисею для того чтобы народ наш нёс истину по всей Земле. Но жрецы Амона не захотели расстаться с властью своей, они отравили фараона, пришедшего к истинному Богу, вновь ввергли мир в язычество, и подменили Закон, данный Моисею.

- Причем здесь Атон или Амон? Наш Бог Иегова!

- Не в имени Бога суть, Бог един для всех народов, хоть и каждый народ называет его своим именем, сути это не меняет. Суть в том, что Закон, данный Богом, искажен. Его нужно очистить от скверны людской, и возвратиться на путь, предначертанный Господом. Моисей увел наш народ из Египта, дав ему Тору, он знал: когда окончится земной путь Эхнатона, вера в Бога единого, Бога истинного будет разрушена. Моисей увел народ в пустыню, чтобы спасти Веру, спасти Закон, данный Богом истинным. Бог не делит людей на своих и чужих, на богатых и бедных, на господ и рабов. Сделали это жрецы Амона, они решили, что так будет по всей земле, во все времена. Сорок лет они водили народ по пустыне именем убитого ими пророка, пока не умер последний человек, имеющий различение добра и зла. И тогда зло назвали добром.

- Жрецы Амона! Что ты говоришь, когда это было? Никого из них уже давно нет на этой Земле!

- Помнишь, сколько жил Адам? Сколько лет прожил Авраам? Человек, знающий тайны бытия, может жить долго, очень долго, и возможно те, кто подменил Закон, ещё живы. А если нет, то живы их наследники, посвященные в тайны управления миром. Думаешь: ты господин? Нет, ты раб!

- Я раб Божий. А на земле своей я господин!

- А что же делают на нашей земле римляне? Разве они не считают себя господами, а нас рабами своими? Но и они рабы, рабы тех, кто правит миром, кто не носит титулов, не предстает, как кукла, в золотых одеждах перед толпой, а правит тайно, вкладывая ложь в умы людей, одних прельщая богатством и

властью, как баранов, которых ведут на убой, других унижая до положения скотов, ждущих подачки от господина, но и те и другие – рабы.

В Законе сказано, что нужно давать деньги в рост другим народам, и иметь власть над ними. Но те, кто дают деньги в рост, сами находятся во власти денег.

- Что же плохого в том, чтобы давать деньги в рост? Богатство угодно Богу, а бедность и нищета – порочны.

- Но тогда одни, те, кто добывает хлеб в поте лица своего, живут в нищете, а другие, те, кто не прикладывают ни к чему труда своего, а лишь дают деньги в рост, живут в роскоши и богатстве. Богу угодно лишь то богатство, что добыто трудом праведным. Только праведный труд делает человека свободным, наживший богатство трудом других, сам становится рабом этого богатства. Если не вернемся мы на путь истины, то рассеется наш народ по всей земле. Многие из нашего народа будут иметь деньги и власть, но и сами будут рабами денег. Все народы будут ненавидеть и презирать нас, и те из нас, кто не имеет денег и власти, будут презираемы и гонимы, а те, кто имеют деньги, будут служить жрецам Амона.

Каиафа посмотрел на Христа, и не было во взгляде его прежней уверенности: «А если правду говорит Иисус? Что тогда?»

- Уведите его! – сказал он страже, – Мне нужно подумать.

Когда стража увела Иисуса, Каиафа тяжелой походкой направился к Анне. Он рассказал ему всё, о чем услышал от Иисуса.

- Как думаешь, есть доля истины в том, что говорит Иисус?

- Может быть, и есть. Если всё так, как он говорит, то это очень серьезно. Ты даже не представляешь себе, с какими могущественными силами мы столкнемся, если примем то, о чем говорит этот сын плотника!

- Но если он прав, и мы отвергнем его, то представляешь, что будет с нашим народом?!

- Да, плевать мне на то, что будет с народом! Главное, что будет с нами!? Нас просто уничтожат, как уничтожили они Моисея, а народ всё равно пойдет по пути, который уготовили ему те, кто правят миром.

- Что же делать нам?

- Христа предать смерти, а об учении его забыть! Забыть навсегда!

- Какие же обвинения мы предъявим ему?

- Найди свидетелей, которые покажут, что он призывал народ к смуте, и добейся, чтобы под пытками он признал свою вину.

Свидетелей долго искать не пришлось, за определенную плату два человека, ни разу до этого не видевших Иисуса, согласились показать, что он в своих проповедях призывал народ к смуте, к неповиновению римской власти и власти первосвященника. Несмотря на побои, которые наносил ему центурион Ксаверий, Христос отрицал все лжесвидетельства, повторяя, что он против насилия, и именно то, что связано с насилием, должно быть убрано из Закона.

Как ни старался Ксаверий орудовать кнутом, превращая тело Иисуса в сплошную рану, волю его сломить не удалось.

- Что делать? – спросил Каиафа своего тестя. – Мы скорее забьем его до смерти, чем добьемся признания в том, чего он не совершал.

- Отправь его к Пилату вместе со свидетелями. Что бы он ни говорил в своё оправдание, ему не поверят.

Иисус Христос и Иисус Варавва

Ксаверий в сопровождении служителей синедриона, двух лжесвидетелей и толпы зевак отвел Христа в преторию, временную резиденцию Понтия Пилата в Иерусалиме, крепость, возведенную еще во времена царствования Ирода Великого, и велел солдатам отправить измученного проповедника в темницу, куда в ожидании казни был заключен Варавва и двое разбойников. Тяжелый засов с лязгом и скрипом запер дверь, и Иисус очутился в полутемном, сыром

подвале, куда слабо пробивался свет сквозь зарешеченное узкое окно под самым потолком. Он устало опустился на пол и, когда глаза привыкли к темноте, разглядел узников этого мрачного подземелья. Он узнал Варавву, и тот тоже узнал его. Они были родственниками, хотя и дальними, оба происходили из рода царя Давида, но Варавва, происходил от рода Соломона, сына Давида и Вирсавии, а Христос – из рода Нафана, второго их сына. Варавва был на двенадцать лет старше Христа, и отца его звали Иосифом, а мать Марией, но Варавва был внуком Иакова, а Христос – внуком Илии. Когда родился Иисус Варавва, по всей земле иудейской прошел слух, что родился царь Иудейский, который поднимет народ на борьбу и сметет римское владычество. Если слух имел под собой основание, то новорожденный царь представлял опасность и для самого Ирода Великого, и тот распорядился уничтожить всех младенцев, родившихся в этот год в Вифлееме. Родителям Вараввы пришлось скрываться с младенцем от гнева царя в Египте, и лишь после смерти Ирода они могли возвратиться на родину.

Когда Варавве исполнилось четырнадцать лет, мать его, Мария, умерла от тяжелой болезни, отец был слишком стар и немощен, и семья Иисуса Христа приютила своего дальнего родственника. Несмотря на разницу в возрасте, между Христом и Вараввой постоянно возникали споры, Варавва считал, что только мечом можно добиться справедливости и свободы, Христос постоянно убеждал брата в том, только любовь может спасти мир. Теперь они оба находились в мрачном подземелья в ожидании казни – воин, верящий лишь в силу оружия, и миротворец, мечтающий преобразить мир силою любви.

- И ты здесь, – сказал Варавва, приблизившись к Христу. – Чем же ты опасен для власти? Отчего тебя, проповедовавшего любовь, бросили сюда? Тебя, который пришел принести народам мир? Другое дело я, я пришел принести не мир, а меч, я пришел разделить брата с братом, сына с отцом, ибо, кто не с нами – тот против нас. А кто против нас, тот против свободы. Вот и ты не с нами, а оказался здесь, почему? Где же твоя правда, где любовь твоя? Ты пришел

к людям с миром и любовью, а они бросили тебя в темницу, обрекли на казнь. Так в чем же правда твоя?

- Для саддукеев моя правда оказалась опаснее твоего меча.

- Но римляне? Ведь ты никогда не призывал к восстанию против них. Почему же они бросили тебя в темницу? Согласись, что прав оказался, все-таки, я, хотя теперь мы оба умрем на кресте.

- Нет, ты не прав, Варавва. Люди сами поделили себя на своих и чужих, сами устроили границы на земле, сами создали себе врагов. В царстве Божием нет границ, и не могут быть врагами дети отца одного, ибо все они братья.

- В царстве Божием, говоришь? А где они, твое царство Божие? Там, на небе? А здесь, на земле по другим законам живем, по другим законам и умираем.

- Не ищи царства Божьего на небе, – там только звезды, не ищи царства Божьего в храме, – там фарисеи да книжники, ищи царство Божие в душе своей. Царство Божие внутри нас.

Варавва тяжело опустился на пол рядом с Христом:

- Ты наивен, как и в детстве. Завтра нас поведут на казнь, а ты говоришь о любви. Есть обычай, накануне праздника отпускать одного из приговоренных к казни. Если вдруг прокуратор решит соблюсти наши обычаи, как думаешь, кого из нас двоих предпочтет народ? Чья правда окажется ближе народу, твоя или моя?

- Народ скажет: «Отпусти нам Варавву», – ответил Христос, – и знаешь почему? Ты вождь, и хочешь вести народ за собой, я хочу для народа свободы, истинной свободы, свободы души. Для этой свободы не нужны вожди, не нужны ни заповеди, ни законы. Один закон есть для свободных людей – совесть. Но свободный человек отвечает за себя сам, за поступки свои, за помыслы свои, отвечает перед совестью, перед Богом. И уже никто не сможет сослаться на то, что исполнял он закон или волю вождя, свобода – это тяжкий путь для людей, они еще к этому пути не готовы. Потому и выберут они вождя, так проще. Но путь этот ложный, ибо ведет он в рабство, человек, идущий за вождем, не дума-

ет о том, что есть добро, а что зло, он доверяет вождю, а доверять нужно Богу, только Бог даст человеку различение добра и зла, и человек поймет это, когда поймет, что в основе мира лежит любовь.

Я не нахожу вины в этом человеке

Когда Иисуса привели к Понтию Пилату, даже он, старый воин, видавший немало увечий и ран, пришел в ужас от того, что сотворили с Иисусом, стараясь пытками вырвать у него признание.

Возможно, показаний лжесвидетелей было бы достаточно, чтобы осудить проповедника на смерть. Но Пилат не так давно беседовал с Иисусом, и знал, что обвинения против него ложны. Знал он и то, что Каиафа ищет повода, чтобы избавиться от Христа, знал, и сам предупредил его об этом. Но ни Каиафе, ни Анне не было известно о том, что Понтий Пилат уже встречался с Иисусом. Не знали они и о письме, императору Тиберию, в котором Пилат с уважением отзывался о проповеднике. Потому и рассчитывали на то, что скорый на расправу прокуратор не станет разбираться в деталях.

- Мне сказали, что ты призывал народ к смуте? – спросил прокуратор Христа.

- Это ложь, – отвечал тот, – и ты это знаешь.

- Знаю, – ответил Понтий Пилат, – скажи, кто так истязал тебя, он? – указал прокуратор на Ксаверия.

Иисус молчал.

- Что же ты молчишь, отвечай – он истязал тебя?

- Что ты сделаешь ему?

- Я дам тебе меч. Убей его, он не должен был делать того, что сделал.

- Я не возьму меч, моё оружие – это слово Божие.

- Тогда возьми кнут, и рассчитайся с ним за все обиды.

- У меня нет обиды на него. А бить человека кнутом позорно и недопустимо, уж лучше меч, чем кнут. Я прощаю его, и всех кто лжесвидетельствовал, кто избивал меня, ибо не ведают они, что творят.

- Ты и сейчас веришь в то, что любовь к людям превыше всего? Ты должен ненавидеть этих людей, которые предали и избили тебя, а ты прощаешь их?

- Да, прощаю, я всегда говорил, что ненависть разрушает, созидает только любовь. Нет у меня ненависти к ним. Разве можно ненавидеть человека только за то, что он слеп?

- Но этот человек виновен в нарушении закона, и будет наказан, он не должен был вмешиваться в религиозные дела иудеев. Антоний! Возьми кнут, накажи его!

Антоний взял кнут, и замахнулся на Ксаверия. Но Иисус, превозмогая боль в истерзанном теле, стал между Антонием и Ксаверием, и удар кнута обрушился на его спину. Ни крика, ни стона не издал он, лишь потом покрылось истерзанное чело.

- Да, этот человек святой! – воскликнул Понтий Пилат, – Ты закрыл собой того, кто истязал тебя?!

- Прости его, – ответил Иисус, – прости, как я простил.

- Раз так, то и я прощаю его, иди Ксаверий, не будет тебе наказания.

Но посмотрев на несчастного центуриона, можно было понять, что прощение Иисуса возымело гораздо большее влияние на него, чем любое, самое страшное наказание.

- Я, прокуратор Иудеи, наместник кесаря на этой земле, признаю, что человек этот не виновен в том, в чем обвинили его! – громко заявил Понтий Пилат всем присутствующим, – Своей волей и властью, данной мне кесарем, я отпускаю его! Ты свободен, иди!

Иисус сделал шаг, но силы оставили его, и изможденное страданиями тело медленно опустилось на землю.

- Антоний, – сказал прокуратор, – пойди, позови кого-нибудь из тех, кто близок ему. Пусть заберут Иисуса и омоют раны его.

На зов Антония явились Иаков и Фома, которые ожидали решения прокуратора. Видя, что Христос сам не сможет идти, Иаков ушел, и вернулся с плащаницей, на которую положили истерзанное тело Иисуса, и отнесли в дом Фомы. Там омыли раны и смазали их бальзамом, приготовленным из целебных трав.

Конец Иуды

Когда Иуда увидел, как измученного, истерзанного пытками Христа повели к Понтию Пилату, он понял, что это конец. Произошло то, самое страшно, чего он боялся. Он направился было вслед за процессией, уводившей Иисуса, но дорогу ему преградил всадник:

- Это ты Иуда Искариот? – спросил он.

- Я, – ответил Иуда. – Что надобно тебе от меня?

- Вот, держи! – он бросил к ногам Иуды мешочек с деньгами, который со звоном упал на землю. – Каиафа велел передать тебе, ты заработал это!

С этими словами всадник развернулся и ускакал, подняв облако пыли. Иуда поднял мешочек и развязал, там было тридцать серебряных монет. «Так вот во что оценил меня Каиафа!» – обожгла его мысль. Он вернулся к первосвященнику, вошел в дом, и швырнул деньги на пол, к его ногам.

- Забери свои деньги! Я не предавал Иисуса! Ты же знаешь это!

- Я знаю, – ответил Каиафа. – Но кроме меня, этого не знает никто. Все считают, что именно ты предал его. А деньги возьми, негоже деньги на пол бросать. Да и в храм их вернуть нельзя, ибо заплачены они за кровь невинную.

- Ты знал, что Иисус не виновен, но всё равно отдал его Пилату на смерть! А ведь он хотел только поговорить с тобой! Хотел, чтобы ты выслушал его!

- А тебе то что? Он говорил – я слушал. Он хотел поговорить со мной, я хотел избавиться от него, а ты хотел помочь ему. Хотел помочь ему, а помог мне. Вот я и заплатил тебе за работу. Он добился того, чего хотел, и я добился того, чего хотел я. А чего же хочешь ты, Иуда? Возьми деньги, ты заработал их.

- Будь ты проклят, во веки веков, Каиафа!

- Нет, это не я, это ты будешь проклят во веки веков, и ты, и имя твое, и весь род твой!

Иуда ушел. Он знал, что никто, никогда не вспомнит о нём того, что было на самом деле, что душа его будет завидовать душам тех, кто горит в аду. Ни рай, ни ад не примет его душу. Весь ужас безысходности навалился на него как каменная глыба, которая сдавливала грудь, мешала дышать. Он подошел к своему дому, который казался ему могилой, он снял со стены веревку, связал петлю, встал на стол, и, перекинув веревку через балку потолка, надел петлю на шею. Вдохнув полной грудью воздух в последний раз, он оттолкнулся от стола ногой, и петля захлестнула его горло. Хрип последнего проклятия вырвался из него, и он затих навсегда.

Пилат и Варавва

Завтра утром должны были казнить Варавву и ещё двоих разбойников, пойманных раннее, а вечером, накануне казни, слуга доложил Понтию Пилату, что разбойник Варавва желает с ним говорить.

- О чем мне говорить с разбойником? – ответил прокуратор, – передай, что слишком много чести для него, говорить с наместником кесаря в Иудее.

- Он отвечает, что желает оказать честь прокуратору беседовать с иудейским царем, – возразил слуга.

- Что? Этот разбойник называет себя иудейским царем? Да он просто сумасшедший! Приведите его, хочу я посмотреть на этого «царя Иудейского»!

Стражники привели к нему закованного в цепи Варавву. Он стоял и смотрел на прокуратора тяжелым, ненавидящим взглядом.

- Кто ты, и зачем хочешь говорить со мной? – спросил Понтий Пилат.

- Я, Иисус, называемый Бар Авва, сын Иосифа, внук Иакова из дома Давида, имею полное право называться иудейским царем!

- Иисус? – удивился прокуратор, – я знаю Иисуса, называемого Христом, бродячего проповедника. Утверждают, что он происходит из рода Давида.

- Иисуса Христа? – усмехнулся Варавва, – он внук Илии, из весьма сомнительной, дальней ветви царя Давида, он не может претендовать на трон.

- Да, он и не претендует, но к чему ты мне это говоришь, я не собираюсь разбираться с родословной вашего царя, ты – разбойник, и будешь казнен.

- Я требую суда синедриона, я не претендую на трон, но, хотя бы на суд я имею право?

- Ты напал на римский обоз, ты виновен в преступлении против Римской империи, и суд синедриона не может тебя судить. Здесь я решаю. Моё слово – закон! Я уже вынес приговор, и другого суда не будет!

- Ты поставлен управлять народом иудеи, а спросил ли ты народ, захочет ли он казнить меня?

- Да, плевать я хотел на народ! Неужели, ты и впрямь подумал, что я буду спрашивать мнение черни? Народ мне не указ! Как я решил – так и будет! Уведите этого «царя Иудейского»!

Исполнители казни, которым стражники передали суть разговора прокуратора и Вараввой, поиздевались над приговоренным, что называется, от души. Напялив на голову разбойника терновый венок, они повесили на грудь его табличку с надписью: «царь Иудейский».

Отпусти нам Варавву

Ещё не зная о решении, которое принял Понтий Пилат в отношении Иисуса Христа, Анна вызвал к себе Каиафу, и сказал:

- Иди к Пилату. Напомни ему, что у римлян есть обычай отпускать в канун великих праздников одного из осужденных на смерть. Пусть обратится к народу с вопросом: «Кого отпустить вам?». Нужно освободить Варавву.

- А если народ захочет, чтобы он отпустил Христа?

- Не захочет. Найди нескольких человек, которые в разных местах толпы будут кричать: «Отпусти нам Варавву», и вскоре вся толпа подхватит этот крик.

Каиафа пришёл к Понтию Пилату. Он не вошел, как прежде, а ждал, пока тот соизволит его принять.

- Рад видеть тебя в добром здравии, Каиафа, – сказал Понтий Пилат, – что привело тебя ко мне в столь ранний час?

- Сегодня будут казнить осужденных?

- Да, их распнут.

- Я слышал, у римлян есть обычай отпускать одного осужденного на смерть в канун великих праздников.

- Да, есть такой обычай, ну так что же?

- Я прошу тебя, прокуратор, отпусти Варавву.

- Варавву? Зачем? Ведь он разбойник, и вина его не вызывает сомнения, зачем тебе Варавва?

- Мне он не нужен, люди хотят видеть милость могущественного владыки, прояви милость свою, отпусти Варавву.

- Ах, вот как ты заговорил! Варавва – разбойник, убийца, он примет смерть ту, которую заслужил. Все трое по законам Великой Римской империи признаны мной виновными, и будут распяты!

- Как, трое? – удивился Каиафа.

- Да, трое, – подтвердил Понтий Пилат, – того проповедника, которого вы отдали мне на суд, я отпустил, я не признаю в нем вины перед Римом!

- Но он виновен пред Богом! – вскричал Каиафа.

- К вашему Богу я отношения не имею, я молюсь свои богам! И отвечаю за свои решения только пред кесарем и Юпитером! Что же вы не предали его смерти по своим законам, а привели ко мне?

- Ты отпустил его! Ты должен был вернуть его нам, или обратиться к народу, пусть народ решит, кого отпустить в накануне Пасхи!

- Запомни, священник иудейский, я никому ничего не должен, а тебе в особенности! Ты хочешь, чтобы я обратился к народу, спрашивая как поступить мне, прокуратору этой земли? Да, ты хоть понимаешь, о чем ты говоришь?! Я, наместник кесаря Великой Римской империи должен спрашивать у черни, что мне делать?!

- Но на каком основании ты отпустил его? Ты вершил суд, который согласно вашему, римскому праву, должен был доказать невиновность или вину этого человека!

- Я так решил! Тебе этого достаточно? О каком суде, о каком праве ты говоришь?! Иудеи – варвары! Они не граждане Рима, и не могут рассчитывать на суд согласно римскому праву. Моё слово, моё решение – вот весь суд, вот закон для вас!

Каиафа ушел. Он проиграл. Не помогли и унижения, на которые он пошёл, Пилат был непреклонен. С потерей Вараввы Каиафа терял многое. Варавва должен возглавит восстание против римлян. Он происходит из царской династии, народ пойдет за ним.

Но план Каиафы сорван, несмотря на все его усилия, Иисус не будет казнен, он жив, и будет продолжать будоражить умы народы своим учением, а тот, кто должен был выполнить великую миссию освобождения народа от римлян, будет предан позорной смерти.

Воскресение

В день казни произошло некое знаменательное событие, даже два. Около шести часов вечера огромная, тяжелая туча повисла над городом, и висела до самого наступления сумерек. А в полночь землетрясение всколыхнуло не только почву Иерусалима, но и умы его обитателей.

Восприняв это как знамения, народ решил, что среди казнённых был тот, кто осужден незаслуженно. Стали распространяться слухи, что причиной всего стала казнь Вараввы, многие, запуганные террором банды, действительно верили, что Варавва бессмертен, что он, казнённый, может воскреснуть для того, чтобы страшной местью отомстить своим мучителям.

Слишком свежо было в памяти событие, когда Варавва сжёг целое селение, в котором его пытались схватить римские воины. Понимая, что кто-то из местных предал его, он сжёг всех, не пощадив ни женщин, ни детей, ни стариков. Он принадлежал к сикериям, из секты зелотов, которые не щадили не только римлян, но своих сограждан, сотрудничавших с римской властью.

Понтий Пилат не страдал особой суеверностью, но природные явления, произошедшие в день казни, вызвали у него тревогу, и странное чувство, что добром всё это не кончится. Предчувствие не обмануло прокуратора. Утром следующего дня к нему явился Антоний, встревоженный и крайне обеспокоенный.

- Что случилось, Антоний? У тебя такой вид, будто Варавва и впрямь воскрес.

- Не удивлюсь, если это произойдет, – буркнул Антоний, – какой-то сумасшедший выкрал тело Вараввы, сняв его ночью, тайком с креста, и похоронил как праведника в склепе, предварительно облив тело миром и благородными маслами.

- Что за народ! – воскликнул прокуратор. – Варвары, дикари! Теперь они будут молиться разбойнику, как святому! За все время моего правления в этой проклятой стране ещё не было случаев, чтобы воровали тела казненных!

- Я найду этого сумасшедшего, и приведу сюда! – сказал Антоний.

- Это ни к чему! Что это даст? Только станет поводом для новых сплетен. Если власти преследуют человека, выкравшего тело, то значит это действительно тело праведника – так рассудят эти варвары. Лучше, сделай вот что: возьми воинов, и ночью уберите тело разбойника из могилы, заройте его где-нибудь в лесу, и постарайтесь, чтобы никто этого не видел. Дикари! Почитают разбойника, как святого!

- Я все сделаю, как ты велишь.

Ночью Антоний с отрядом воинов пришел к пещере, в которой какой-то сумасшедший похоронил тело Вараввы. С большим трудом отвалили они камень, прикрывавший вход в склеп. Ткани, пропитанные смолами, сняли с тела. Разбойник должен сгнить в земле, чтобы и следа его не осталось. Зарыли его в лесу так, чтобы никто никогда не смог отыскать его могилу.

Казалось, все было сделано как надо, но утром, на следующий день по Иерусалиму поползли странные слухи о том, что Иисус Христос воскрес. Понтий Пилат был в недоумении, он знал, что Иисус был жив, что же могло послужить основанием для таких слухов? Прокуратор вызвал к себе Антония.

- Антоний! Вы там все сделали как надо? Что за странные слухи ходят по городу?

Антоний побледнел:

- Мы забыли поставить на место камень!

А произошло вот что. Шимон, прокравшись ночью, тайно, к тому месту, где были распяты осуждённые на смерть, увидел, как какие-то люди сняли тело Вараввы и захоронили в пещере. Не зная, что ему делать потом, он так и остался сидеть возле могилы и видел: ночью пришли легионеры, отвалили камень от входа в пещеру, и унесли тело казненного.

Войдя в пещеру, он обнаружил лишь брошенные в беспорядке ткани, пропитанные благовонными маслами. Не в силах уйти от разбитой могилы, он так и просидел на камне всю ночь, обливаясь слезами.

А рано утром Мария Магдалина пришла к пещере, в которой, как она считала, был похоронен Иисус Христос. Апостолы, видя, как учителя отправили к Пилату для расправы, и не зная, что тот отпустил Иисуса, были уверенны – один из троих казненных Иисус Христос. Темная туча, нависшая над городом и ночное землетрясение, окончательно укрепили в них эту уверенность.

Ночью, сняв тело разбойника с креста, они были уверенны, что хоронят своего учителя. И Варавва, и Христос было примерно одинакового роста, имели одинаковое телосложение, и тот, и другой носили бороды, как это было заведено в то время у иудеев. Лицо же разбойника было обезображено пытками, изъедено мухами, и опознать его, тем более ночью, было практически невозможно.

Мария Магдалина, увидев пустую могилу и отодвинутый камень, какого-то человека на нем, приняла его толи за ангела, толи за садовника. С криком: «Христос воскрес!» бросилась она созывать апостолов. К пещере явились все, за исключением Фомы, который в это время мазями, настойками целебных трав и молитвами лечил раны Иисуса.

Мнение жителей Иерусалима разделилось: одни считали, что воскрес разбойник Иисус Варавва, другие – что воскрес проповедник Иисус Христос. Но в том, что кто-то воскрес на Пасху, никто из них не сомневался; не сомневался никто и в том, что имя воскресшего было Иисус.

Вождь

Шимон, не понимая, что происходит, не зная, что делать дальше, тайком, стараясь никому не попадаться на глаза, явился к Каиафе. Увидев Шимона, Каиафа не поверил своим глазам:

- Как? Ты жив? Мне сказали, что весь отряд Вараввы перебит римлянами!?

- Так оно и есть, мне чудом удалось спастись, никто не знает, что я жив. Как верный пёс, сидел я у могилы своего господина, и готов был умереть на

ней, ибо ничего другого не оставалось мне. Все товарищи мои были убиты, а Иисус Варавва, повешен на дереве, как преступник. Но я увидел, как ночью римские воины пришли к могиле, отодвинули камень, забрали тело моего господина, и унесли. Я тайно последовал за ними. Его зарыли в лесу, как бездомного пса. Я вернулся к могиле. Не знал, что делать. Тут пришла женщина. Увидела камень, отодвинутый от входа, пустую могилу и меня, с криком: «Иисус воскрес!» бросилась прочь.

- Так вот оно, в чем дело! – воскликнул Каиафа,- «Иисус воскрес!». Воистину воскрес! – посмотрел он на Шимона пристальным взглядом, – Только вот который из них? Христос или Варавва? Ученики сына плотника бегают по городу, восклицая, что их учитель, Иисус Христос воскрес. Но шепчутся между собой люди, что воскрес Варавва. Нам нужно внести ясность в это дело. Говоришь, видела тебя женщина, там, у могилы?

Шимон кивнул.

- Теперь ты, Шимон, возьмешь имя Вараввы! Иисус Варавва воскрес, и ты отныне будешь им, ты поведешь народ против римлян, именем его!

- Но как поверят мне, что я – это воскресший Иисус Варавва?

- Женщина видела тебя у могилы – это уже хорошо, а теперь мы сделаем так, что никто не сможет сомневаться, что именно ты был распят, а ныне воскрес!

Каиафа позвал стражника своего, и приказал ему сделать на руках и ногах Шимона следы, которые не оставят сомнений в том, что тело его было прибито гвоздями к дереву.

- Только не делай сквозных ран, – сказал он стражнику. – Сделай так, чтобы он мог ходить, но раны были видны.

Шимон взвыл от боли, поливая проклятиями Каиафу.

- Не ори! – крикнул ему тот, – Терпи! Теперь никто не сможет усомниться, что это ты, воскресший Иисус Варавва!

Когда боль утихла, и способность соображать постепенно вернулась к Шимону, он спросил:

- Что же мне теперь делать?

- Отправишься в Галилею, к зелотам, найдешь там Иегуду Галилеянина, он скажет тебе, что делать. Да постарайся, чтобы как можно больше народа видело тебя, и раны на твоих руках и ногах. И не очень торопись, останавливайся на ночлег в каждом селении. А я уж позабочусь о том, чтобы слух о воскресшем Иисусе Варавве дошел до Иегуды раньше тебя. Но сначала пойдёшь в Эммаус, те двое, распятые с Вараввой, оттуда родом, расскажешь о том, что их, борцов за освобождение народа, гои предали позорной смерти, это ещё более восстановит народ против римлян.

- Но они не сикарии, не зелоты, они просто грабители!

- Это не важно, для народа теперь они станут героями, погибшими в справедливой борьбе.

Попрощавшись в Каиафой, Шимон ушел. По дороге он встретил двух человек, которые тоже направлялись в Эммаус, и присоединился к ним. В пути они обсуждали события, взволновавшие всё население Иерусалима. Внезапно наступившая тьма, землетрясение, пустая могила одного из казненных. Несомненно – праведник был распят и воскрес. Мнения о том, кто это был, разделились. Одни путник утверждал, что распят был проповедник, называемый Иисусом Христом. Именно он и воскрес. Другой – что это был Иисус Варавва.

Шимон молчал, не поддерживая никого. А когда они присели отдохнуть, положил свои руки и ноги так, чтобы были видны раны от гвоздей. Увидев их, оба путника ахнули.

- Кто ты? – спросил первый путник.

- Имя мое Иисус, – ответил Шимон, – и называют меня Бар Авва, сын Божий. Послан я Господом нашим освободить народ от римского рабства, за что и был казнен римлянами, но воскресил меня Отец мой небесный. Моисей увел народ наш из рабства египетского, и говорил им: «пеките хлеб», а я говорю: «готовьте мечи», ибо придет час, когда восстанет народ, и поведу я его за собой против гоев! Не с миром, а с мечом пришел я на эту землю. Придет час, и

восстанет брат на брата, сын на отца, и дочь отречется от матери своей! И очистится наш народ от скверны, и освободит землю нашу от презренных гоев!

В Эммаусе они расстались, Шимон отправился дальше, в Галилею, а те двое вернулись в Иерусалим, распространяя слух о том, что Иисус Варавва воскрес из мертвых, и вскоре римскому владычеству наступит конец.

Апостолы

Ученики Христа, несли во все концы Иерусалима благую весть – Иисус Христос воскрес. Когда же Фома сказал, что Понтий Пилат отпустил Иисуса, и пригласил их в свой дом, апостолы, придя в замешательство, в растерянности смотрели на своего учителя.

Одни из них сказал:

- Я видел сон: двенадцать человек перед алтарем приносили в жертву животных. И мы поняли, что учитель наш принесен в жертву во искупление грехов человеческих, был распят и воскрес.

- Алтарь, – ответил Иисус, – это Бог, которому вы служите, двенадцать человек – это вы, а животные, принесенные в жертву – это народ, который вы ввели в заблуждение.

- Мы видели, как отдали тебя на расправу Понтию Пилату. А когда распинали осужденных на смерть, великая тьма сделалась над миром, и земля затряслась, и мы поняли, что Иисус, учитель наш, умер на кресте. Ночью, тайком, Иосиф снял с креста тело твоё, и мы похоронили его в склепе. А сегодня утром Мария Магдалина, придя ко гробу, обнаружила его пустым, видела ангела, сидящего на камне, и поняли мы, что воскрес наш учитель.

- Понтий Пилат отпустил меня, не признав вины, которую возложили на меня священники. Что же вы не дождались решения прокуратора, как сделали это Иаков и Фома?

Ученики молчали, опустив глаза.

- То, для чего я избрал вас из всех, потребует от вас твердости духа и веры. Нести правду – нелёгкая задача, а иногда и смертельно опасная. И не всегда я буду с вами, у каждого из вас свой путь, укрепитесь духом и верой, чтобы с честью его пройти.

Планы и интриги

Каиафа был зол. Несмотря на то, что Шимон взял на себя имя Варавва, слухи о воскресении Иисуса Христа не утихали. Но если воскресшего «Варавву» уже видели, и будут видеть, то Христа ещё никто не видел, и желательно, чтобы его больше не увидел никто, никогда. Иисуса следовало убить, тайно, и тело схоронить так, чтобы никто не смог его найти. Миссию эту нужно возложить на сикариев, профессиональных убийц из секты зелотов. Тогда слухи о воскрешении Иисуса Христа утихнут сами собой, а слухи о воскресшем Иисусе Варавве будут распространяться с новой силой людьми, которые видели Шимона со следами от гвоздей на руках и ногах.

Понтий Пилат прекрасно понимал, что в сложившейся ситуации Каиафа непременно захочет расправиться с Иисусом Христом, причём в самое ближайшее время.

И ещё одна мысль не давала ему покоя. Это мысль о валютных махинациях, которые вели саддукеи. Грубо вмешиваться в дела священников он не мог, и тогда он подумал, что неплохо было бы использовать слухи о воскрешении Христа в своих интересах. Христос знал о валютных махинациях священников, и осуждал их. Если он, распятый и воскресший, появится в храме, то ситуация может измениться. Популярность его в народе возрастет до таких пределов, каких не достигал никогда авторитет ни одного первосвященника. И тогда Понтий Пилат сможет, не опасаясь сопротивления со стороны служителей храма, воспользоваться правом назначения первосвященника по своему усмотрению.

Нужно было принимать срочные меры, чтобы опередить Каиафу, и он вновь вызвал к себе Антония.

- Послушай, Антоний, Иисусу Христу грозит смертельная опасность. Я не сомневаюсь, что Каиафа вновь попытается его убить. Пригласи Иисуса ко мне, я хочу говорить с ним.

Антоний ушел, а когда он вернулся, и сообщил, что Иисус Назарей не может прийти, поскольку ещё окончательно не оправился от ран, Понтий Пилат нахмурился, отведя взгляд в сторону, затем вновь взглянул на Антония, и произнёс:

- Очень жаль, что я не смогу лично побеседовать с ним. Тогда тебе придется самому поговорить с Иисусом. Я назначу его первосвященником, и обеспечу личную безопасность.

- Но должность первосвященника могут занимать только левиты! Такое назначение вызовет протест среди иудеев.

- Он происходит из рода Давида, и вполне может претендовать на трон Ирода, почему бы ему не стать первосвященником?

- Но род Давида не ведет своё начало от левитов, он может быть царем, но не священником. Последствия такого назначения могут непредсказуемы.

- Мой предшественник, Валерий Грат, сменил четырех первосвященников, остановившись на Каиафе, почему я не могу назначить того, кто угоден мне? А для недовольных есть войска, я наведу порядок в этой стране!

- Но для чего тебе нужно, чтобы должность первосвященника занял именно Иисус?

- Мне нужен доступ к казне храма, корвану. Саддукеи меняют римское золото на серебро, а затем везут его в Рим, где вновь меняют на золото, получая огромную прибыть, и всё это проходит мимо меня! Иисус осуждает эти махинации, потому, я думаю, будет не против, если этим займемся мы, римляне. «Отдайте кесарю кесарево» – так он сказал. В корван я буду возвращать то, что пожертвовали иудеи, а прибыль от мена буду отсылать в римскую казну.

Я приобщу этих варваров к культуре и порядку. В Иерусалиме не хватает питьевой воды, старые акведуки засорены, пришли в негодность. Если иудеев устраивает затхлая, грязная вода, то мои воины не могут пить эту воду.

- Но твои войска находятся в Кесари!

- Я переведу часть войска сюда, в Иерусалим. Пока я с войсками нахожусь в Кесари, здесь, в Иерусалиме готовят смуту против нашего владычества!

В двухстах стадиях от города находится источник чистой воды, Эн-эль-Джерадж, нужно пробить в скалах акведук, и в город пойдет чистая вода горных ключей. Для этого мне нужны деньги, а они есть у саддукеев!

- А если попросить деньги у Каиафы на строительство водовода? Не станет же он возражать против улучшения водоснабжения?

- Я, буду просить?! Я, правитель этого края, буду просить то, что могу взять сам?! Если Иисус займет должность первосвященника, то я буду иметь доступ к корвану на законных основаниях! За столы менял я посажу своих людей, мы не обидим храмовую казну. Все пожертвования пойдут по назначению. Но прибыль от мена – моя! Ведь это римское золото они меняют на своё серебро, которое потом вновь меняют на римское золото!

- А если он не согласится с твоим предложением? Что тогда?

- Тогда пусть убирается из Иудеи, да поскорее, а не то, Каиафа убьет его. И я уже ничем не смогу этому воспрепятствовать.

Что мешает, имея власть, нести свет истины?

Антоний в одежде странника ночью явился в дом к апостолу Фоме. Он постучал.

- Кто там? – спросил Фома, – на дворе поздний час, все давно уже спят в доме.

- Сказано в учении Господа нашего: «Стучите и вам отворят», это бедный странник, который ищет приюта, чашу воды да краюху хлеба.

Фома открыл дверь и пропустил необычного гостя в дом. Он предложил ему воды, краюху хлеба, но странник не уходил.

- Чего еще тебе надобно, странник, я ведь дал тебе всё, что ты просил?

- Я хочу видеть твоего гостя, того, что живёт у тебя в доме.

- О чем ты говоришь, странник? Я один живу, и никого нет в моем доме кроме меня.

- Мне нужен Иисус, сын плотника Иосифа и Марии.

Фома хотел было уже сказать, что не знает того, о ком говорит странник, но Иисус, услышав их разговор, сам вышел к ним.

- Я здесь, не меня ли ты ищешь, странник? – сказал он.

- Да, именно ты мне и нужен, – сказал Антоний и снял свой дорожный плащ, – я к тебе пришел по поручению прокуратора, помнишь меня?

- Да, помню, и рана от твоего кнута ещё не зажила.

- За кнут прости, не тебе он предназначался.

- Я давно простил тебя, хочу сказать лишь то, что бить человека кнутом, как скотину, позорно и недостойно. Не делай больше этого никогда, как бы не была велика вина того, кого хочешь ты наказать, лучше смертью накажи, чем кнутом. Говори, за чем пришел.

- Ты хочешь очистить Закон от лжи? Для этого ты добивался встречи с первосвященником?

- Да.

- Прокуратор может предоставить тебе такую возможность. Он предлагает тебе должность первосвященника. У тебя будет власть, и ты сможешь донести своё учение до народа.

- Ты не правильно понял меня, и прокуратор тоже. Мне нужна истина, а не власть.

- Что же мешает тебе, имея власть, нести народу свет истины?

- Власть.

Истина не может быть навязана властью, она должна идти от сердца, от души – к душам и сердцам людей. Истина, идущая от власти, воспринимается

умом, а не сердцем. Земная власть не вечна, придет другая власть, и истина в умах людей будет замена ложью. И только истина, идущая от Бога, которая поселяется в сердцах и душах людей – вечна.

- Так, стань Богом. В народе ходят слухи, что ты был распят и воскрес. Мы подтвердим эти слухи, и никто не сможет усомниться в истине, исходящей из уст самого Бога.

- Но это ложь.

- Ложь во имя истины.

- Истина не может следовать из лжи.

- Из лжи следует что угодно.

- Тогда как отличишь ты истину от лжи, если в основе её лежит ложь?

- Люди поверят тебе, твоей правде, пройдут века, и уже никто никогда не узнает, что лежало в основе. Важно то, что люди станут жить так, как ты учишь их.

- Скажи, можешь ли ты построить храм на песчаной дюне? Она кажется прочной, но только до поры, пока не задует ветер. А когда подует ветер, и сдвинется песок – храм твой рухнет. Так и храм веры, построенной на лжи, рано или поздно обрушится.

- Что же ты собираешься делать?

- Нести людям истину.

- Но Каиафа убьет тебя, убьет тайно, ударом в спину. Тебе лучше покинуть Иудею.

- Я готов, но мне нужно хотя бы сорок дней, чтобы зажили раны на теле моем, и укрепилась вера в душах учеников. Они продолжат здесь, на этой земле, то, что начал я.

- Сорок дней, но не более, вооруженный отряд будет охранять этот дом. Но по истечению этого срока ты должен уйти.

Когда Антоний вернулся к Пилату, и рассказал о своем разговоре с Иисусом, тот сказал:

- Жаль, что тебе не удалось убедить его принять моё предложение.

- Он не признает никакой лжи, он идет своей дорогой.

- Что ж, дорога правды иногда не самая прямая, и не всегда она выводит к цели. Тогда и мне придется идти другим путем. Я просто заберу нужную мне сумму из корвана!

- Но священники могут возмутить народ, возможны волнения.

- Варвары, дикари! Неужели они возмутятся тем, что я отниму деньги у мошенников, для их же блага? Я солдат, и если не смогу убедить их словом, то буду убеждать мечом!

Эпилог

Сорок дней Иисус лечил свои раны и общался с учениками, готовя их к тому, чтобы они продолжили учение его. И вот день расставания настал.

- А, теперь я покину вас, отправлюсь в дальние, неведомые вам края. А вы идите и несите людям свет истины.

Иисус повернулся и медленно пошел прочь. Он поднимался в гору по зеленой траве, по камням, всё выше и выше, и отдалялся от учеников своих. Когда поднялся он на гору, силуэт его еще долго был виден на фоне синего неба, пока вовсе не скрылся за перевалом.

Роль Моисея и задача Христа

(ответ на возражения и критику повести «Апостол Иуда»)

Возможно моя повесть «Апостол Иуда» кому-то покажется кощунством, клеветой, дискредитацией христианской веры, и т.д. Но не будем торопиться с выводами, а попробуем проанализировать Библию и другие материалы, посвящённые драматическим событиям, разыгравшимся в далёком прошлом иудейского народа.

Если считать Ветхий и Новый Завет истиной в последней инстанции, не подлежащей сомнению, то данная работа не имеет смысла, и подобная тема не может рассматриваться в таком ракурсе. Но книги Библии подвергались сомнению с давних времен. Мои взгляды сложились под влиянием многих исследователей Библии, особенно работ группы российских ученых, возглавляемых Владимиром Михайловичем Зазнобиным, публикующей свои материалы под именем «Внутренний Предиктор СССР». Этой группой разработана Концепция Общественной Безопасности, включающая в себя ряд серьёзных научных трудов, посвящённых проблеме управления в обществе, исследованию истории человечества и другой проблематике, охватывающей многие аспекты знаний.

Но критическое отношение к библейским историям возникло задолго до появления этих работ. В разное время разными авторами поднимались эти вопросы: как в научных трудах, так и в художественной литературе.

«С рассказом Моисея не соглашу рассказа моего, он вымыслом хотел пленить еврея, он важно лгал, и слушали его» – сказано в поэме А.С. Пушкина «Гаврилиада». Именно он впервые высказал сомнение в истинности историй, содержащихся в Ветхом завете. Попробуем разобраться: кем же был библейский Моисей, который так не понравился Пушкину?

Примерно за 1350 лет до новой эры, египетской фараон Аменхотеп Четвертый, взявший себе имя Эхнатон, впервые в истории человечества основал

монотеистическую религию, введя культ единого Бога Атона, отменив культы всех прочих богов.

В Ветхом Завете не упоминается имён фараонов, потому разные исследователи по-разному оценивают время исхода евреев их Египта. Одни считают, что это событие произошло во времена правления Аменхотепа III, отца Эхнатона, другие утверждают, что исход имел место спустя 150 лет после религиозных реформ, третьи считают Эхнатона и Моисея современниками и даже отождествляют их. Четвертые, исходя из необычной внешности фараона-реформатора, утверждают, что Эхнатон был инопланетянином, прибывшим на Землю из Сириуса.

Но несмотря на такое разнообразие мнений, бесспорно одно – то, что миссия евреев: нести народам Тору, связана с монотеизмом Эхнатона. Само название учения ТО РА указывает на связь его с культом РА, египетского Бога Солнца. Так кем же был Моисей? Рассмотрим библейскую версию.

Согласно этой версии Моисей увёл еврейский народ из египетского рабства, чтобы дать истину, откровение Божье. За год и два месяца путешествия по Синайскому полуострову Моисей довёл до народа основы учения, организовал его жизнь согласно правилам, изложенным в книгах Исход и Левит, и тут происходит событие, которое вызывает ряд вопросов.

В 32 главе Исхода описывается следующая картина. Моисей удаляется от народа, чтобы получить откровение Господне, и записать его для будущих поколений. К сожалению, не было у него ни компьютера, ни даже бумаги и чернил, чтобы оперативно документировать слова Бога. Пришлось высекать письмена на каменных скрижалях, что требует времени и немалого усердия. Наконец работа окончена. Теперь можно вернуться к народу, и поведать ему слова Господни. Но не тут то было. Народ, пребывающий в растерянности по причине долгого отсутствия своего вождя, просит Аарона сделать бога, которому можно молиться. Аарон, ближайший сподвижник Моисея, названный в Ветхом Завете его братом, действует как провокатор. Он даже не пытается вразумить народ, напомнить ему о том, что Бог не велит делать идолов и поклоняться им,

о чём неоднократно твердил Моисей. Он собирает все золотые украшения и отливает золотого тельца! (Интересно было бы знать: сколько золота ушло на изготовление идола, и сколько прикарманил Аарон?)

Моисей, возмущённый таким поведением народа, разбивает скрижали, так и не доведя на людей то, видимо самое главное, что хотел сказать Бог. После этого следует первый зафиксированный в истории еврейский погром. Моисей от имени Бога призывает левитов убивать брата своего, ближнего своего, друга своего. По библейской версии эта резня устроена ради очищения. Зачем? Ведь разве не Моисей учил народ завету Господа: «не убий»? Почему пророк, чьим оружием является слово Божье, действует таким кровавым методом? Убийство ради очищения. Таких в истории еврейского народа будет немало, немало погромов, устроенных самими евреями, вершиной которых явится геноцид еврейского народа, устроенный Гитлером. Но ведь и Гитлер сам был евреем.

Российский историк Юрий Мухин, у которого есть немало работ, посвящённых второй мировой войне, утверждает, что Гитлер был связан с сионистами, и уничтожал евреев ради очищения нации, нет не немецкой, а именно еврейской нации. Задачей, которую поставил себе Гитлер, было завоевание жизненного пространства для немцев за счет территории России. А что же делал Роммель в Африке? Мухин, да не только он, утверждает на основе анализа фактов и событий, что задачей Роммеля было завоевание Палестины, жизненного пространства для евреев. Официально признанная история объясняет миссию Роммеля в Африке тем, что Гитлер планировал ударом через Палестину выйти к Ирану для захвата нефтяных приисков. А вот, что пишет Юрий Мухин: ***«Чтобы объяснить, что именно Роммель делал в Африке, существует версия, будто он шёл завоевывать для Германии нефтепромыслы Ирака и Ирана. Подобные объяснения устраивают людей, плохо знакомых с географией. Если бы Гитлер перебросил в 1942 г. танковую армию Роммеля вместе с прикрывавшим её воздушным флотом в СССР и добавил её к танковой армии Гота, действующей на кавказском направлении, то после овладения***

Кавказом немцы не только полностью обеспечили бы себя нефтью, но и путь к Ираку и Ирану был бы в два раза короче, в десять раз удобнее и в тысячу раз безопаснее. Немцы, воюя в Африке, пытались освободить от англичан Палестину для евреев, и другого разумного объяснения нет».

Отношение Гитлера к евреям вроде бы не вызывает сомнения, но как относиться к таким фактам. В таблице национального состава военнопленных за период с 22.06.1941 по 02.09.1945, приведенной к книге Мухина «Убийство Сталина и Берии», показано – за этот период было взято в плен 10173 еврея, воевавших на стороне фашистской Германии. В осаждавшей Ленинград финской армии сражалось не менее трехсот евреев, для которых была построена походная синагога. Двое из них – майор Лео Скурник и унтер-офицер Соломон Класс – были даже представлены немецким командованием к высшей немецкой награде – Железному Кресту I класса!

Адольф Эйхман в 1941 году отправляется в Палестину, где встречается с Ицхаком Шамиром, Яиром Штерном, Нафтали Левенчуком и другими видными представителями правого сионистского крыла. В результате в 1942 году под руководством Яира Штерна создается сионистская террористическая организация, которая выражает готовность оказать помощь Роммелю в освобождении Палестины.

Именно Гитлер является инициатором создания государства Израиль. Уничтожая одних евреев, он бережно сохранял еврейскую элиту. Ещё бы, ведь он был внучатым племянником Ротшильда, и уничтожал евреев за еврейские деньги.

Сотнями, тысячами умирают от голода в гетто дети, женщины и старики. День и ночь дымят печи крематориев, день и ночь идут эшелоны, где как скот, в товарных вагонах едут в свой последний путь мужчины, женщины, старики и дети. Конечный пункт: Треблинка – последняя станция в жизни. Ветер разносит над Бабьим Яром смрад горелого человеческого мяса. А в это время Роммель, как Иисус Навин, героически сражается в Африке за «землю обетованную»,

чтобы возродилось государство Израиль, возродилось величие избранного Богом народа!

И в народном стоне, сквозь дым печей крематориев и дым Бабьего Яра слышится: «Кто Господень, ко мне! И собрались к нему все сыны Левиины. Возложите каждый свой меч на бедро своё, пройдите по стану от ворот до ворот и обратно, и убивайте каждый брата своего, каждый друга своего, каждый ближнего своего.» (Исход 32:27,28). И Левиты в черных мундирах СС делали то, что завещал им библейский пророк Моисей.

Как же получилось так, что Моисей «человек кротчайший из всех живших на земле» (Числа 12:3), стал палачом?

Коран отзывается о Моисее с уважением, как о пророке, выполнявшем Божественную миссию, там и намека нет на кровавую расправу с соплеменниками. Так кем же был Моисей? Пророком или палачом? Зигмунд Фрейд в своих работах, посвящённых монотеизму, утверждает, что Моисей не мог быть евреем, воспитанным семьей фараона. Он анализирует библейский миф о Моисее, и доказывает, что этот миф противоречит народной мифологии, где в основном, говорится о ребёнке из богатой семьи, воспитанным в бедной среде. Здесь же всё наоборот. На основе этого Фрейд делает вывод, что Моисей был египтянином, представителем династии фараонов. Имя его на египетском языке звучало как Мозес, что означает дитя. Ра Мозес – дитя света, или в нашем привычном произношении – Рамсес. Выросший и воспитанный в среде далёкой от еврейского народа, он с трудом владел еврейским языком, потому к нему, в качестве переводчика, был приставлен Аарон, названный в Ветхом Завете его братом.

В Египте, к моменту прихода к власти Эхнатона, сложилась диктатура жречества Амона Ра. Жрецы Амона, узурпировавшие знания, имели власть гораздо большую, нежели власть фараона. К тому времени сложилась общегосударственная собственность на землю, которая фактически являлась собственностью жрецов. Ими была разработана концепция дальнейшего развития цивилизации, построенной на основе толпо-элитарного общества, общества разделённого на господ и рабов.

Исторический материализм Маркса и Энгельса учит нас тому, что разделение общества на классы, на элиту и толпу, произошло естественным образом в результате повышения производительности труда. И что другого пути просто не существовало, и что только пролетарская революция способна уничтожить классовое общество.

"Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закреплённому и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства" (В.И. Ленин «Великий почин»).

Когда я в университете изучал исторический материализм, тщательно конспектировал работы классиков марксизма-ленинизма, мне казалось, что я всё понимаю, что всё обстоит действительно так, как учили классики. Но вот я в процессе работы над своим романом попытался с точки зрения исторического материализма объяснить дикарю, живущему общинно-родовым строем причины разделения общества на классы, и понял, что зашел в тупик. Тогда, много лет назад, мне казалось, что за научным словоблудием непременно стоит истина, но когда я попытался объяснить эту истину простыми словами, без употребления научной терминологии, я вдруг понял, что не могу ответить на простые вопросы человека, живущего патриархальным укладом, и ничего не знающем о работах классиков марксизма-ленинизма.

Я вновь перечитал первоисточники, в которых шла речь об образовании классов, но ответа не нашёл. И у Маркса, и у Энгельса описаны пути образования классов, но не причины. Марксизм связывает образование классов с повышением производительности труда, когда общество стало производить больше, чем могло потребить, но…

1. Выделение из общества профессиональных управленцев и жрецов, не занимающихся непосредственно производительным трудом, ещё не могло быть причиной образования классов. Ведь и у тех, и у других не было средств производства. Государственные мужи не пахали землю, не пасли скот, а жили за счёт собираемой дани – налога на содержание государственного аппарата. Сказочка о том, что они силой оружия могли отобрать землю у тех, кто её обрабатывал – несостоятельна. В те времена не было профессиональной армии, воинские формирования строились по милицейскому принципу комплектования: каждый мужчина, достигший совершеннолетия, носил оружие. Когда возникала потребность в защите своих владений, пахари меняли свои орала на мечи и шли воевать. У вождей имелся лишь немногочисленный отряд личной охраны, который никак не мог противостоять всему вооруженному народу.

2. Выделение торговли в самостоятельную сферу деятельности также не могли привести к формированию эксплуататорского класса, поскольку торговцы несли значительные транспортные расходы, да и само путешествие по морю или по суше было связано с риском потери товара, да и самой жизни торговцев, что и происходило. Гибли в море суда, застигнутые бурей, пропадали караваны в пустынях. Ни о каких баснословных прибылях, позволяющих скупить земли и пастбища, не было и речи.

3. Реально может рассматриваться лишь один путь – возникновение рабства на основе пленных, которых заставляли работать, поскольку они уже могли прокормить не только себя, а и хозяев. Но рабство существовало только в древнем Египте и странах Средиземноморья, у славян рабства не было.

Ни у североамериканских индейцев, ни у индейцев Майя, ни у других уничтоженных или порабощенных европейцами народов ни рабства, ни разделения на элиту и толпу не было. Конечно, они находились на более низком уровне экономики, чем европейские страны. Но теперь уже никто никогда не узнает, как бы развивались эти цивилизации, если бы они не были уничтожены или порабощены.

Таким образом, приходим к выводу, что марксизм, отделив материю от сознания, и определив первичность первой по отношению ко второй, скрыл причины образования толпо-элитарного общества. Вопрос: что первично, что вторично – не имеет смысла, как не имеет смысла вопрос: что было раньше – яйцо или курица. Мир следует рассматривать как единство материи, информации и меры, в славянской мифологии язычества: явь, навь и правь. Христианская троица является отражением этой языческой троицы.

Анализирую работы классиков марксизма-ленинизма и работы, посвящённые Концепции Общественной Безопасности, можно сделать вывод о том, что разделение общества на классы не является исторической необходимостью, обусловленной ростом производительности труда, а определяется концепцией развития общества внедрённой в сознание людей. Определяющим понятием здесь является понятие нравственности. Если отказаться от основной аксиомы марксизма – «материя первична, сознание вторично», то следует признать, что развитие общества определяется не только и не столько материальными потребностями, выражающимися в необходимости жрать, спать и производить потомство, а неразделимым единством материальных и духовных ценностей.

Нравственность в концепции развития общества играет определяющую роль. Рабовладельческий строй возник в древнем Египте, на основе безнравственной концепции, разработанной жрецами Амона, и распространился на близлежащие регионы, подверженные влиянию этой концепции развития человечества. Отсутствие рабовладения у славян, на мой взгляд, обусловлено тем, что у них была своя концепция, отражённая в славянской «Библии». И этой славянской «Библией» являлась не Велесова книга, не Голубиная книга, и даже не Славянские Веды, о которых так активно упоминают апологеты современного язычества. Славянская «Библия» – это Русские народные сказки. Да, именно сказки, где на основе ситуационного управления, Богами людям дан Великий Нравственный Закон. В сказках обычно описывается ситуация, и рассматриваются возможные варианты её разрешения. Один герой, действуя в ущерб своих интересов, но заботясь об интересах других, с честью и достоинством выходит

из сложной ситуации, и получает всеобщее одобрение и награду. Другой же, блюдя лишь свои шкурные интересы, не считаясь с интересами окружающих, погибает или теряет всё, что имел и к чему стремился.

Так на принципах ситуационного управления дети с молоком матери впитывали Великий Нравственный Закон. Народу, воспитанному на принципах нравственности, не нужны были заповеди «не убий», «не укради», и прочие. Для них нравственность была так же естественна, как и дыхание.

И лишь с проникновением христианства на Русь, народу навязывается и концепция разделения общества на элиту и толпу.

Рассмотрим, как Достаточно общая теория управления определяет концепцию управления. Она включает в себя шесть приоритетов управления, расположенных по степени убывания важности:

«1. Информация мировоззренческого характера, методология, осваивая которую, люди строят — индивидуально и общественно — свои «стандартные автоматизмы» распознавания частных процессов в полноте и целостности Мироздания и определяют в своем восприятии иерархическую упорядоченность их во взаимной вложенности. Она является основой культуры мышления и полноты управленческой деятельности, включая и внутри-общественное полновластие как в пределах региона, так и в глобальных масштабах.

2. Информация летописного, хронологического, характера всех отраслей Культуры и всех отраслей Знания. Она позволяет видеть направленность течения процессов и соотносить друг с другом частные отрасли Культуры в целом и отрасли Знания. При владении сообразным Мирозданию мировоззрением, на основе чувства меры, она позволяет выделить частные процессы, воспринимая «хаотичный» поток фактов и явлений в мировоззренческое «сито» — субъективную человеческую меру распознавания. (В настоящем контексте под культурой понимается вся информация, в преемственности поколений не передаваемая генетически).

3. Информация факто-описательного характера: описание частных процессов и их взаимосвязей — существо информации третьего приоритета, к ко-

торому относятся вероучения религиозных культов, светские идеологии, технологии и фактология всех отраслей науки.

4. Экономические процессы, как средство воздействия, подчиненные чисто информационным средствам воздействия через финансы (деньги), являющиеся предельно обобщенным видом информации экономического характера.

5. Средства геноцида, поражающие не только живущих, но и последующие поколения, уничтожающие генетически обусловленный потенциал освоения и развития ими культурного наследия предков: ядерный шантаж – угроза применения; алкогольный, табачный и прочий наркотический геноцид, пищевые добавки, все экологические загрязнители, некоторые медикаменты — реальное применение; «генная инженерия» и «биотехнологии» — потенциальная опасность.

6. Прочие средства воздействия, главным образом силового, — оружие в традиционном понимании этого слова, убивающее и калечащее людей, разрушающее и уничтожающее материально-технические объекты цивилизации, вещественные памятники культуры и носителей их духа.» (Концепция общественной безопасности. Глава IV. Управление в глобальном историческом процессе.)

Мы видим, что главным, определяющим приоритетом управления является идеологический, мировоззренческий уровень, и на самом последнем уровне стоит военная сила. То есть, прежде чем воевать, необходимо знать: зачем воевать, за что, и с кем.

Жрецы Амона разработали мировоззрение толпо-элитарного общества, где само понятие рабства было, якобы, освящено Богом. Сам человек, прежде всего – раб Божий, именно с этих позиций происходит осмысление человеком мира и своего места в нем. В понятие нравственности, которое неразрывно связано с первым приоритетом управления, уже внедрена концепция рабства, как данного Богом устройства мира. Нравственность существует в любом обществе: есть нравственность рабовладельцев, рабов, свободных людей, даже в уго-

ловных сообществах есть своё понятие о нравственности. С позиций нравственности в обществе происходит различение добра и зла.

Жрецами Амона были разработаны и средства управления на четвертом, экономическом приоритете – это доктрина ростовщичества, которая дана во Второзаконии:

«Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что возможно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, чтобы Господь Бог твой благословил тебя во всем, что делается руками твоими, на земле, в которую ты идешь, чтобы овладеть ею.» (Второзаконие, 23:19, 20.) Эта доктрина определила основные принципы современной кредитно-финансовой системы, основанной на банковском, ростовщическом капитале. Именно эта доктрина и явилась механизмом разделения общества на классы.

Концепция толпо-элитарного общества, разработанная жрецами Амона, противоречит Божьему промыслу, и неизбежно должна была возникнуть концепция противоположного смысла. Именно такая концепция определила революционные реформы Эхнатона. Бог Атон объявлялся единым Богом, и изображался в виде солнечного диска, он являлся олицетворением любви и правды. Во времена правления Эхнатона Египет не вел ни одной войны. В этот период получает развитие искусство, известное как искусство Амарнского периода. Изобразительное искусство отличается реалистичностью. Ярчайшим примером искусства Амарнского периода считаются скульптурные изображения царицы Нефертити, супруги Эхнатона, обычно приписываемые царскому скульптору по имени Тутмос Младший, черепок с именем которого был найден в куче строительного мусора в его мастерской в Ахетатоне, новой столице, построенной Энатоном взамен прежней, Фив. Фараон-реформатор отстранил от управления прежнюю аристократию, представленную в основном жречеством Амона, и приблизил к себе простых людей, наделив их властью. Возможно библейский Иосиф Прекрасный был одним из таких людей, поднявшись от простого пастуха до наместника фараона.

Эхнатон понимал, что с его уходом введённая им религиозная реформа будет разрушена жрецами Амона, которые никогда не смирятся с потерей власти. Поэтому необходимо было для сохранения атонической религии вынести её за пределы Египта, распространив в последующем и на другие народы. Миссия нести учение другим народам мира была возложена на еврейский народ.

Были ли евреи в Египте на положении рабов? Пришли они в Египет сами, и никто их не завоевывал, они образовали процветающие еврейские общины, занимались в основном скотоводством. Египет считается колыбелью еврейского народа. На рабов, мировоззрение которых определяется рабской философией, рабским мышлением и не поднимается над положением раба, не может быть возложена миссия: нести народам свет истины. Какую истину могут нести народам рабы, если на первом приоритете управления в их сознание уже заложена концепция рабства? Хоть сотню лет води раба по пустыне, он никогда не станет свободным от концепции рабства. А если раб станет господином, то будет нести всё ту же рабскую идеологию. Нет хуже правителя, чем дорвавшийся до власти раб.

Потому думаю, что евреи в Египте были на положении свободных граждан, которые если и работали на египтян, то скорее всего, на основе вольного найма, чем на положении рабов. Представитель египетского царского рода, Моисей, был выбран (возможно Эхнатоном, а возможно и самим Богом) в качестве проповедника, который должен возглавить миссию внедрения атонической концепции в сознание сперва евреев, а после и других народов.

Если Моисей был определен Божественным провидением на должность мессии, несущего всеет истины народам, то как мог он превратиться в палача? Бог никому не навязывает истину силой. Пророк может действовать лишь убеждением, но ни в коем случае ни принуждением! Репрессии – это стиль управления совершенно другого плана. Пророк знает много больше, чем ведомый им народ, для него скрижали – это святыня, которая способна вразумить сомневающихся и колеблющихся. Как же он мог их разбить? И в чём смысл этой беспощадной резни? Причем Аарон – явный провокатор, никаким наказаниям не

подвергается, а ведь именно его нужно было наказать прежде всего. Народ обратился к нему за советом как к своему вождю, второму человеку после Моисея, а он поступил вопреки всему, чему должен был учить народ, чему учил их Моисей – сотворил литого идола, объявил его Богом, а потом свалил всё это на народ.

Затем всё начинает разваливаться, следует ряд восстаний против Моисея и Аарона, которые жестоко подавляются. Народ начинают преследовать беды: то качество манны резко падает, то возникает нашествие змей. Причем Моисей уже не может справиться с ситуацией, для борьбы со змеями он использует языческие, колдовские методы – делает медного змия.

В книге Числа, главе 13 говорится о том, как в Ханаанскую землю был выслан разведывательный отряд, который определил, что земля вполне пригодна для организации постоянного поселения. Но она была заселена Амаликетянами и Хананеянами. Оставался один, последний, решительный бой и странствия по пустые были бы завершены. Но разведчики разошлись в оценке соотношения сил и средств сторон в предстоящей операции вторжения. В результате они отказались от плана, разработанного Богом (Числа 14), за что последовало наказание в виде репрессий, направленных против паникёров и дезертиров, и весь народ получил новый срок – сорок лет кочевого концлагеря.

« И сказал Господь [Моисею]: прощаю по слову твоему; но жив Я, [и всегда живет имя Мое,] и славы Господа полна вся земля: все, которые видели славу Мою и знамения Мои, сделанные Мною в Египте и в пустыне, и искушали Меня уже десять раз, и не слушали гласа Моего, не увидят земли, которую Я с клятвой обещал отцам их; [только детям их, которые здесь со Мною, которые не знают, что добро, что зло, всем малолетним, ничего не смыслящим, им дам землю, а] все, раздражавшие Меня, не увидят её.»

Это означает, что из пустыни выйдут только те, кто на момент описываемых событий не знает, что есть добро, а что зло, и ничего не смыслит в жизни; а также и те, кому ещё предстоит родиться в течение предстоящего срока вымирания взрослых, имеющих свойственное им представление о том, что есть

добро и зло и видящих в жизни смысл, обусловленный их реальной нравственностью.

Выше было сказано, что именно нравственность дает возможность различения добра и зла. Даже в сообществах уголовников есть своё понятие о нравственности, а следовательно – понятие о добре и зле. Насколько эти понятия соответствуют Божьему промыслу – это другой вопрос, но они существуют. Нет, и не может быть общества, лишённого нравственности, общество без нравственности – это стадо животных.

Таким образом, Бог, или кто-то от его имени намерен содержать народ в бродячем гетто до тех пор, пока не превратится этот народ в стадо животных. Ну, не может Бог преследовать такую цель! Промысел Божий заключается в развитии, в совершенствовании, а не в деградации!

Тогда, зачем и кому это нужно? Нас убеждают, что сорок лет странствий были необходимы для того, чтобы искоренить рабскую идеологию. Черта с два искорените вы рабскую идеологию содержанием в концлагерях! Не зафиксировано в истории такого случая, зато полно случаев, когда нормальный человек, с нормальным уровнем нравственности попав в места лишения свободы, выходит оттуда нравственным уродом, озверевшим, и готовым на любые преступления.

Мне возразят, сказав, что лишить народ понятия о добре и зле нужно для того, чтобы дать ему новую нравственность, так сказать, писать с чистого листа. Но скажите, что можно написать с чистого листа в сознании озверевшей толпы? Высокая нравственность, соответствующая Промыслу Божьему, воспитывается веками, от поколения к поколению на основе Великого Нравственного Закона, данного людям Богом в виде сказок, легенд, притч и других преданий, передающихся от дедов к внукам. В стаде животных, не имеющих понятия о добре и зле, может быть культивирована только звериная нравственность, основанная на низменных инстинктах.

И такая нравственность была действительно культивирована.

«***И предали заклятию всё, что в городе, и мужей и жен, и молодых и старых, и волов, и овец, и ослов, [всё] истребили мечом.***» (Иисус Навин 8:20)

«24 Когда Израильтяне перебили всех жителей Гая на поле, в пустыне, куда они преследовали их, и когда все они до последнего пали от острия меча, тогда все Израильтяне обратились к Гаю и поразили его острием меча.

25 Падших в тот день мужей и жен, всех жителей Гая, было двенадцать тысяч.

26 Иисус не опускал руки своей, которую простер с копьем, доколе не предал заклятию всех жителей Гая;

27 только скот и добычу города сего [сыны] Израиля разделили между собою, по слову Господа, которое [Господь] сказал Иисусу.

28 И сожег Иисус Гай и обратил его в вечные развалины, в пустыню, до сего дня;

29 а царя Гайского повесил на дереве, [и был он на дереве] до вечера; по захождении же солнца приказал Иисус, и сняли труп его с дерева, и бросили его у ворот городских, и набросали над ним большую груду камней, которая уцелела даже до сего дня.» (Иисус Навин 8:24…29)

Вот какую нравственность внедрили «с чистого листа» в сознание потерявших понятие о добре и зле узников синайского гетто. Избранный народ, стоящий выше всех других, «низших» народов, смешиваться с которыми недопустимо.

«и не отдавать дочерей своих иноземным народам, и их дочерей не брать за сыновей своих.» (Неемия, 10:30;) ***«земля, в которую вы входите, чтобы наследовать её, осквернена сквернами иноплеменных земли, и они наполнили её нечистотами своими. И теперь не отдавайте дочерей ваших в замужество за сыновей их, и их дочерей не берите за сыновей ваших, и не ищите мира с ними во все времена, чтобы укрепиться вам и вкушать блага сей земли и оставить её в наследие детям вашим навек.»*** (2 кн. Ездры, 8:80 - 82.) ***«И будешь господствовать над многими народами, а они над тобою не будут господствовать.»*** (Второзаконие, 28:12.)

Представители иных народов могут быть только рабами у евреев.

«Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои и цари их — служить тебе; ибо во гневе Моем Я поражал тебя, но в благоволении Моем буду милостив к тебе. И будут всегда отверзты врата твои, не будут затворяться ни днем, ни ночью, чтобы приносимы были к тебе достояние народов и приводимы были цари их. Ибо народ и царства, которые не захотят служить тебе, - погибнут, и такие народы совершенно истребятся.» (Исаия, 60:10 – 12.)

Так кем же был Моисей? Пророком или палачом народов?

Коран отзывается о Моисее с уважением, и всю вину возлагает на народ, который не пожелал выполнить возложенную на него миссию.

«Те кому было дано нести Тору, а они не понесли её, подобны ослу, который навьючен книгами.» Вся вина за отказ от выполнения Божественной миссии возложена на народ. Но народ сам по себе не принимает решения, хотя нас пытаются убедить в обратном. Нам говорят что всё зависит от нашего выбора, но выбора у нас нет. Народ 1991 году проголосовал за сохранение СССР, но Союз всё равно был разрушен, в угоду жрецам Амона, во имя торжества толпо-элитарной концепции.

По-видимому, с самого начала исхода евреев из Египта, между Моисеем и сторонниками жрецов Амона велась непримиримая борьба, которая закончилась устранением Моисея от власти. Фрейд, а после и другие исследователи считают, что Моисей был убит, а учение, которое должны были нести евреи другим народам, подменено. Скрижали разбиты и заменены другими, но что было на тех, разбитых скрижалях, что было написано в первоисточнике – не известно. Видимо, уже после смерти пророка кто-то другой от имени Бога и Моисея устраивает кровавые репрессии, и превращает народ, призванный нести свет истины миру, в озверевшую толпу захватчиков. В 34 главе Исхода сказано, что от лица Моисея, после беседы с Богом, исходило сияние, именно потому он скрывал лицо под покрывалом, когда говорил с народом. Зачем же скрывать лицо, даже если оно излучает сияние? И почему он не скрывал лицо, когда говорил с начальниками? Напрашивается вывод, что скрывать лицо было необхо-

димо, чтобы народ не понял, что «царь не настоящий», что не Моисей уже ведет их, а кто-то другой. Начальники же были в сговоре с теми, кто убил пророка, иначе подмена не могла бы состояться.

Конечно, убийство Моисея противоречит 34 главе Второзакония, но ведь в 34:6 сказано о том, что никому неизвестно, где находится могила Моисея. А если неизвестно место захоронения, то можно подвергнуть сомнению и обстоятельства смерти пророка, описанные в этой главе.

Если учение, данное Богом Моисею, было подменено, то вероятно миссия Христа состояла в том, чтобы вернуть людям первоначальный вариант «разбитых скрижалей», убрав из учения то, что было привнесено в него жрецами Амона. Перед ним не ставилась задача своей смертью искупить людские грехи. Мученическая смерть пророка, или Бога, сошедшего на землю, в принципе ничего не решает. Люди, как творили беззакония, так и творят, прикрываясь при этом именем Христа.

Задача состояла в том, чтобы довести своё учение не только до народа, но и до священников, от которых зависело толкование Закона. Если фарисеи ещё могли воспринимать идеи Христа, поскольку их взгляды на Закон не отличались консерватизмом, и они были готовы пересмотреть некоторые положения Закона в соответствии с народными традициями и реалиями жизни, то саддукеи же твердо придерживались буквы Закона Моисеева, не принимая никаких нововведений. Именно саддукеев нужно было убедить, что Закон, данный Богом пророку Моисею, был подменён, и не они, саддукеи, правят миром, а являются лишь марионетками в руках иерархии жречества Амона. Саддукеи отрицали судьбу, определённую высшими силами, и считали, что только сам человек творит свою судьбу, и были убеждены, что именно они имеют право определять судьбу своего народа.

Христос не мог просто придти к Каиафе и попросить аудиенции. Первосвященник никогда не принял бы бродячего проповедника, как не примет митрополит всея Руси представителя какой-либо религиозной секты. Другое дело, если в окружении митрополита у Вас есть свой человек, можно попробовать

договориться. Если Иуда был вхож к Каиафе, то именно через него попытался Христос договориться о встрече с первосвященником. Но Каиафа ответил Иуде примерно так, как ответил бы митрополит на предложение встретится с руководителем секты «Белое братство», мол, разговаривать с ним я могу только в суде.

Иисус согласился на такой вариант, понимая, что это единственная возможность попытаться убедить первосвященника, а с ним и все течение саддукеев, в правоте своего учения. Из текста молитвы Иисуса в Гефсиманском саду можно сделать вывод о том, что он шёл на огромный риск, но не на верную смерть. Кстати, откуда взялся в Евангелие текст молитвы, если апостолы, приглашенные Христом разделить с ним эту тревожную ночь, уснули мертвецким сном, и не могли ничего слышать?

Спрашивается, а так ли необходима была Иисусу встреча с Каиафой? Ведь учение своё он нёс народу, и народ поддерживал его, у него были ученики, которые должны были нести народу его слова, ну для чего ему было лезть на рожон? Для чего нужно было спорить с саддукеями? Позволю себе сослаться на известный роман М. Булгакова, и процитировать следующее:

«…ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет. Но я однажды заглянул в этот пергамент и ужаснулся. Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил. Я его умолял: сожги ты Бога ради свой пергамент! Но он вырвал его у меня из рук и убежал.»

Возникает вопрос: а уверен ли был Христос в том, что ученики правильно понимают его учение? Полностью ли он доверял им? Вот что говорится в Евангелие Иуды: ученики просят Иисуса растолковать сон, который они видели, и он отвечает им:

«Вы – принятые в служение жертвеннику, который вы видели. Это Бог, которому вы служите; и двенадцать людей, которых вы видели, – это вы; и приносимые в жертву животные, которых вы видели, – толпа, которую вы ввели в заблуждение.»

Вот Вам и «козлиный пергамент»! Знал, оказывается Христос, что не правильно понимают его слова ученики. Ему крайне необходимо было встретиться с саддукеями, которые знали каждую букву Закона Моисеева, с которыми можно было говорить аргументировано и убедительно, он был уверен, что они поймут суть того, что было скрыто от людей в скрижалях, разбитых во гневе библейским пророком, или тем, кто сместил его с поста управления народом. Поймут. Но вот примут ли?

В Евангелие от Иоанна сказано, что после ареста Христа отвели сперва к Анне, тестю первосвященника Каиафы, который фактически контролировал всю религиозную деятельность. Видимо состоялась всё-таки предварительная беседа Иисуса со священниками, перед тем, как решили его предать суду синедриона. У Иоанна вскользь, одной фразой, сказано, что беседа состоялась. Думаю, она была более обстоятельна, чем описано в Евангелие, и без свидетелей. Поверили ли ему саддукеи? Видимо поверили. Поверили и испугались того, с какими могущественными силами придется им столкнуться, если пойдут они по пути, предложенному Христом. Потому и было решено: Иисуса предать смерти, а об учении забыть.

Но предъявить ему обвинения, которые карались смертью, при всём старании они никак не могли. Христос не хуже их знал Закон, и отмел все их обвинения. Тогда и решили передать его на расправу Понтию Пилату, как бунтовщика, призывающего к свержению римской власти. Но не знали они, что Пилат уже беседовал с Христом, и убедился в том, что никакой угрозы римскому владычеству он не представляет, о чем и написал императору Тиберию в письме. Письмо такое существует, и хранится в библиотеке Ватикана. Суть в том, что Пилат, уверенный в невиновности проповедника, да ещё и доложивший об этом Тиберию, не стал бы советоваться с народом: как ему поступить. Отдать на казнь того, кого он уже признал невиновным в глазах императора – значит признаться, что он либо солгал, либо не разобрался в сути дела. В любом случае это могло привести к соответствующим «оргвыводам» со стороны

императора, и стоить Пилату должности. Ведь по свидетельству Иосифа Флавия, на Понтия Пилата уже поступали жалобы римскому кесарю.

События эти описаны не только в Евангелиях, но в Коране. Вот что сказано в четвертой суре «Женщины»:

«156(157). и за их слова: "Мы ведь убили Мессию, Ису, сына Марйам, посланника Аллаха", а они не убили его и не распяли, но это только представилось им; и поистине те, которые разногласят об этом, - в сомнении о нем; нет у них об этом никакого знания, кроме следования за предложением. Они не убивали его, - наверное, (158). нет, Аллах вознёс его к Себе: ведь Аллах велик, мудр!»

Исследователи ислама объясняют это массовыми галлюцинациями, я же предлагаю несколько другой, более реалистичный вариант.

Русский военный корреспондент Николай Нотович в 1894 году опубликовал книгу «Неизвестная жизнь Иисуса Христа». Будучи в Тибете, в буддийском монастыре, он ознакомился с рукописями, которые свидетельствовали о пребывании Иисуса Христа в Индии, известного под именем Исса Юз-Асаф. Нотович утверждает, что после событий, описанных в Евангелие и Коране, Иисус Христос остался жив, и отправился в Индию, где продолжал свою проповедническую деятельность, прожил до глубокой старости, умер своей смертью и был похоронен около города Кашмир. Существует могила, которую местные жители считают могилой Иисуса Христа. Известный исследователь Тибета Николай Рерих, прочитав книгу Нотовича, подтвердил подлинность документа, на который ссылается автор.

А могло ли быть так, что казнь Иисуса Вараввы люди приняли за казнь Иисуса Христа? В принципе могло. Родословная Иисуса Христа описана в двух Евангелиях: от Матфея и от Луки. Но родословные эти отличаются, и весьма существенно. У Луки родословная начинается от Адама, у Матфея – от Авраама. Далее следуют 14 совпадающих поколений, потом поколения расходятся, и лишь в конце списка видно, что отец Иисуса и у Матфея, и у Луки – Иосиф. Но

у Матфея Иисус – внук Иакова, а у Луки – внук Илии. У Матфея Иисус происходит из рода царя Соломона, сына Давида и Вирсавии. Матфей прямо говорит не о мессии, пророке или сыне Божьем, а о вожде, который спасёт Израиль. «И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет ***Вождь***, Который упасёт народ Мой, Израиля.» (Матфей 2:6.)

У Луки Иисус ведёт свой род от Нафана, второго сына Вирсавии и Давида. «Ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь» (Лука 2:11.) Тут уже речь идет не о вожде, а о Спасителе, Господе. «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, 30 ибо видели очи мои спасение Твое, 31 которое Ты уготовал пред лицем всех народов, 32 ***свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля.***» (Лука 2:29-32.) У Луки говорится о мессии, который должен не уничтожать и наказывать язычников, а просвещать! То есть, мессия, о котором говорит Лука, призван нести свет истины как народу Израиля, так и другим народам.

Впервые на несоответствие родословных внимание немецкий исследователь Эмиль Бок, который изложил свои соображения в книге «Детство и юность Иисуса». Писали об этом и другие исследователи. Если продолжить сравнение Евангелие от Матфея и от Луки, то видим, что у Матфея отражена попытка Ирода избавиться от младенца, которому пришли поклониться волхвы, как будущему царю. Святое семейство спасается бегством в Египет, и пребывает там вплоть до смерти Ирода.

У Луки нет упоминания ни о волхвах, и о попытках царя Ирода уничтожить претендента на трон. У Луки говорится не о волхвах, а о пастухах, которые пришли поклониться младенцу.

У Матфея родители Иисуса проживают в Вифлееме, а у Луки в Назарете, и приходят в Вифлеем только для переписи, поскольку родом оттуда.

У Матфея рождение Иисуса относится к последнему году правления царя Ирода – 4 год до н.э., а у Луки ко времени переписи населения по указу кесаря Августа – 6 год н.э. Таким образом разница составляет 12 лет.

Из родословной Иисуса у Матфея и у Луки он происходит от разных ветвей рода Давида. На основании чего исследователи (в частности В. Мишаков «Два Христа») делают вывод о том, что речь идёт о разных Иисусах, воспринимаемых народом как Божьих посланников, призванных освободить народ Израиля.

Варавва – не имя собственное, оно означает Бар Абба – сын отца, или сын Божий (Бар Авва), как обычно называли представителей царской династии. Мессианскую роль Вараввы связывают с надеждой на то, что он вооружённым путём, возглавив восстание, освободит народ от римской диктатуры.

Таким образом, можно предположить, что у Матфея речь идёт о том, что родился Иисус Варавва, а у Луки о том, что родился Иисус Христос. Но не только история рождения вызывает разночтения, есть у Луки ещё один эпизод, который не вяжется с миссионерской ролью Иисуса Христа.

«36 Тогда Он сказал им: но теперь, кто имеет мешок, тот возьми его, также и суму; а у кого нет, продай одежду свою и купи меч; 37 ибо сказываю вам, что должно исполниться на Мне и сему написанному: и к злодеям причтён. Ибо то, что о Мне, приходит к концу.» (Лука 22:36,37.)

Для чего Иисус говорит о необходимости приобретать оружие? Только для того, чтобы связать это с эпизодом, когда во время ареста Петр отрубил рабу ухо? Но ведь сам Иисус осудил этот поступок Петра.

Некоторые исследователи утверждают, что Евангелие от Матфея и от Луки написаны уже после смерти этих евангелистов, возможно, что они представляют собой компиляции более ранних текстов, и данную фразу следует понимать так:

- Христос говорил Вам – возлюби врага своего, а я говорю – купите мечи, ибо миссия моя подходит к концу, близок час восстания: «сегодня рано – завтра будет поздно».

В пользу компиляции текстов Евангелие говорит и то, что в них наряду с проповедованием мира и любви, звучат призывы к жестокости и насилию:

«34 Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч, 35 ибо Я пришёл разделить человека с отцом его, и дочь с матерью её, и невестку со свекровью её. 36 И враги человеку – домашние его.» (Матфей 10:34,35.)

Ведь это же явный призыв к гражданской войне! Скажете: «нельзя понимать все буквально», «не передёргивайте, не вырывайте фразы из контекста!». Знаю, читал, как это трактуется. Но может всё проще? И действительно имела место компиляция? И слова эти принадлежат Иисусу, но не Христу, а Варавве?

В период восстания против римлян произошла и война гражданская, многочисленные секты устроили резню между собой в осаждённом римлянами Иерусалиме. Дошло даже до того, что был уничтожен значительный запас продовольствия, что привело к голоду и эпидемии. Жертвой этой гражданской войны стал и Каиафа.

Итак, версия.

Речь шла о двух мессиях: один – проповедник и миротворец Иисус Христос, другой – бунтовщик и воин, вождь Иисус Варавва. Оба происходят из рода царя Давида, но от разных ветвей. Оба борются за счастье своего народа, но один на основе мира и любви, другой – на основе вооружённого восстания. Иисус Варавва происходит не просто из рода царя Давида, он ещё и потомок царя Соломона, и поклониться ему приходят представители власти, носители идеологии – волхвы (в западной традиции три царя). С ним связывают надежды на силовой метод разрешения ситуации. Иисус Христос ближе к простому народу, хоть он и ведет своё начало от царя Давида, но из другой ветви. Представителей власти он не интересует, поклониться к нему приходят простые пастухи.

Образ Вараввы воспринимается двояко: с одной стороны как мессия, готовивший вооружённое восстание против поработителей; с другой стороны - разбойник, убийца. Но одно не противоречит другому. Вероятно он принадлежал к течению зелотов, к радикальному его крылу – сикариям, профессиональным убийцам, которые не щадили не только римлян, но и своих сограждан, заподозренных в сотрудничестве с оккупантами.

Естественно, что для Понтия Пилата Варавва представлял гораздо большую опасность, нежели Христос. Отпустить его – значит обречь себя на необходимость отражать вооружённое восстание иудеев в самом недалеком будущем. Поэтому по логике прокуратора, следовало бы казнить Варавву, а отпустить Христа.

Судьба Вараввы после событий на Голгофе неизвестна, по крайней мере я не нашёл нигде упоминаний о нём в повествованиях о войне против римлян, ведь Варавва должен был бы, если не возглавить восстание, то принять какое-то участие в нём, если бы остался в живых.

Но не он возглавил восстание, а Шимон Бер Гиора из дома Иегуды Галилеянина, который тоже погиб в период междоусобных разборок. Поэтому, скорее всего, Варавва всё-таки был казнен.

И наконец, самый главный вопрос: был ли Христос Богом? Если Варавва – означает сын Божий, что ассоциировалось с представителями царской династии, то Христос называл себя сыном человеческим. Несомненно – он был человеком, выполнявшим Божественную миссию. Согласно восточным религиям, душа переживает ряд перевоплощений на земле. Выполнив свою задачу душа переходит на новый уровень развития, становится равной Богу, и является частью Бога, как единого целого. Христос, несомненно, свою Божественную миссию выполнил, душа его завершила ряд перевоплощений и поднялась на уровень Бога. И молитва Христу – не просто слова, обращённые в пустоту, а слова, обращённые к Богу! Тоже касается и святых, выполнивших свою Божественную миссию на земле.

Литература

1. Достаточно общая теория управления. Постановочные материалы учебного курса факультета прикладной математики — процессов управления Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург 2003 г.
2. Юрий Мухин. Опасная тайна. Из-во «Алгоритм», 2008 г.
3. Юрий Мухин. Убийство Сталина и Берии. Научно-историческое расследование. М., Крымский мост – 9Д, НТЦ «Форум», 2002 г.
4. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть 2. Передняя Азия. Египет / Под редакцией Г. М. Бонгард-Левина. — М.: Наука, 1988.
5. Перепёлкин Ю. Я. Переворот Амен-Хотпа IV: В 2 ч. — М., 1967
6. И. В. Рак, Египетская мифология. — М: Изд-во Терра, 2004.
7. Синайский турпоход. Аналитический сборник ВП СССР № 1/97 (2) Санкт-Петербург, 1997 г.
8. Зигмунд Фрейд. Этот человек Моисей. Сокращенный перевод с английского Рафаила НУДЕЛЬМАНА. Изд-во: «Двадцать два», Иерусалим, 1987.
9. Зигмунд Фрейд. Человек по имени Моисей и монотеистическая религия. М., Наука, 1993.
10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М., 1986.
11. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 33. М.: Издательство политической литературы, 1974
12. Д. Мережковский. Иисус неизвестный. М., "Республика", 1996
13. Нравственное богословие евреев-талмудистов”, пер. с нем. протоиерея А.Ковальницкого, СПб, 1898 г., репринт 1991 г.
14. Эмиль Бок Детство и юность Иисуса Христа, Москва, издательство “Энигма”, 1996.

15. Ф. Фарраф. Жизнь Иисуса Христа. М., «Прометей», 1991.
16. Б. В. Сапунов, академик ПАНИ, д.ист.н. Земная жизнь Иисуса С.-Петербург, 2002 г
17. Ренан Э. Жизнь Иисуса. Киев. 1905. Репринт. М.,1990.
18. Н. Нотович. Неизвестная жизнь Иисуса Христа (Тибетское сказание), «Наука и религия», 1989, № 7-8; 1990, № 5.
19. Леви Х. Доулинг. Евангелие Иисуса Христа эпохи Водолея. М., «Святослав», 2007.